

РАГНАР- ВИКИНГ

ЭДИСОН МАРШАЛЛ

Сын Одина

Эдисон Маршалл

Рагнар-викинг

«Алгоритм»

1951

УДК 82-31
ББК 84(7США)

Маршалл Э.

Рагнар-викинг / Э. Маршалл — «Алгоритм», 1951 — (Сын
Одина)

ISBN 978-5-4438-0023-3

В рабство к великому вождю викингов, могучему и жестокому Рагнару, волею судьбы попадает маленький Огиер. Возмужав, он не желает мириться с рабством и благодаря уму, находчивости и отваге обретает свободу. С этой минуты его жизнь превращается в бесконечную цепь удивительных приключений, подвигов и таинственных событий: походы против бриттов, борьба с великими вождями викингов, путешествие к неведомым берегам, похищение прекрасной принцессы Морганы.

УДК 82-31
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-4438-0023-3

© Маршалл Э., 1951
© Алгоритм, 1951

Содержание

Книга первая	6
Пролог	6
Глава I	8
Глава II	24
Глава III	32
Глава IV	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Эдисон Маршалл Рагнар-викинг

© Маршалл Э. 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

* * *

Книга первая

Пролог

Земля осталась далеко позади. Дул свежий ветер, сияло чистое небо, синие волны темнели под вскипающими барашками.

Голова дракона на носу корабля то ныряла в волну, то высоко поднималась вверх на следующем гребне.

Седой человек с горящим взором, сидевший у мачты, бережно положил арфу и достал из-за уха остро отточенное гусиное перо. Окунув кончик в сажу, смешанную с водой, он написал свое имя – Алан – на верху свитка пергамена.

Он вывел его не по латыни, как писали все ученые люди в то время, а по-английски.

Затем его перо двинулось дальше, выводя букву за буквой. «Его повествование о правдивых приключениях Оге Дана».

Он взглянул в лицо Хёвдингу:

– Оге Кречет, через полгода может не быть в живых ни тебя, ни меня, – сказал он, – и, конечно, нас разлучат.

– Тем больше причин для того, чтобы ты пел, а мои люди и я тебя слушали, – ответил Оге.

– Ты уже слышал все мои песни, и я хочу успеть сложить новые до того, как ты нас покинешь. С той поры, как мне пришлось петь для всех, сердящихся без причины, я вынужден менять и смешивать материал, из которого слеплены мои песни, пока наконец не отличу бль от небылицы.

Еще не родившиеся барды услышат их и сами станут продолжать, и твоя несчастная душа будет смущаться, не зная, ходил ли ты с Рагнаром в морские походы или сражался на суше с Роландом.

Ты молод, ты едва разменял двадцать шестую зиму и легко помнишь правду, но если ты проживешь вдвое больше, а тем более, втрое, тогда то, что ты забудешь, напомним воображение.

И я приказываю тебе сесть поудобнее на эту медвежью шкуру с чашей меда в руке и каждый день вспоминать историю своей жизни.

Это поможет скоротать время гребцам в дни, когда мы не сможем идти под парусом, а записывая твой рассказ, я изменю свое мнение об этих водах, которые мне, честно говоря, не нравятся.

– Если бы ты писал рунами, они поведали бы то, что я сказал, но я не уверен, что христианские буквы не изменят смысл моих слов.

– Английская грамота происходит от твоих рун. Я запишу твои слова так, как ты их молвишь. Начни с тех времен, когда ты был рабом на Длинном Проливе, там, где пел белый лебедь.

– Я был рабом Рагнара Лодброка – Рагнара Кожаные Штаны. А его слава известно всему миру...

– Хороший пергамент, такой же, как тот, который я унес из горящего Барденийского Аббатства, долговечен, – перебил его Алан. – Я смыл целую историю о Самосатенской Ереси, написанную на плохой латыни четыре века назад, дабы записать твои похождения. Четыре века спустя даже слава Рагнара может оказаться забытой. Освежи и укрепи память людям.

– Рагнар был двоюродным братом Харальда Норвежского и наместником Хорика, короля данов. Его земли простирались на четыре морских перехода от усадьбы Хорика в Шлезвиге, да еще у него были обширные владения на Скагерраке. Он и сам жил как король, и пировал

в огромном зале, увешанном коврами, с сотнями своих данов. А рабов и слуг у него было без счета. Среди его доблестных сыновей были Ивар Бескостный, Бьёрн и Хастингс Юный, прозванный так для того чтобы отличать его от Хастингса Жестокого. Я не всегда был свободным. Китти, женщина из Лапландии, рассказывала мне, что через тридцать лет после смерти Карла Великого...

– Остановись, Оге Кречет, – закричал Алан, – предоставь Реке Памяти течь так, как ей хочется, и нарисуй нам всем вид побережья. Покажи нам события прошлого так, как Норны показывают будущее. Иди дорогой Берсерка. Кричи и грызи свой щит!

Глава I

Стрела Одина

Вы не поверите, но молодой раб с заклепанным ошейником может познать смех.

Его одели мне на шею, когда я был еще мальчишкой. Он был достаточно широк и позволял мне расти, и пять фунтов его веса добавлялись к каждой ноше.

Честно говоря, мой смех был громче, чем гром Тора в последнюю летнюю грозу, потому что смеялся я редко. А мое сердце взлетало, как на крыльях дикого лебедя.

Когда мне сравнялось шестнадцать зим, как утверждала Китти, в крови моей разгорелся огонь – огонь юной жизни.

В то утро меня освободили от тяжелой молотьбы в пыли на солнце и отправили на бычьей упряжке с едой и пивом для Рагнара и трех его сыновей на холмы, куда они отправились на охоту. А в ящике у моих ног...

Я рассказываю слишком быстро! Откуда скальду знать, где начало и конец истории? Нужно вернуться почти на девять месяцев назад. Я нашел тогда замерзавшего сокола необычной породы. Это была самка, белая в коричневую крапинку, больше и яростней, чем самый крупный из соколов моего хозяина, за которых платили серебром по весу. Ее принесло на наше побережье сильным юго-западным ветром, и я подумал, что Один, бог ветров и воинов, решил улыбнуться и мне, рабу.

Мортон, французский барон и свинопас Рагнара, посоветовал мне натаскивать ее отдельно. Иначе, сказал он, я могу никогда не приручить ее.

Урывая немного времени от работы и гораздо больше от сна и еды, я научил соколицу охотиться и подчиняться мне, как будто я сын короля.

Я дал ей гордое имя Стрела Одина. Я вставал до рассвета и ложился затемно. Мое сердце щемило от радости, которую она мне дарила. В тот день я решил дать ей полетать на глазах у Рагнара, едва смея мечтать о славе, которую она могла бы снискать.

Вышло так, что Рагнар с Иваром и Бьёрном преследовали стаю куропаток в долине, поросшей кустарником.

Я шел с сыном Рагнара Хастингсом, и к его великому удовольствию мы выследили на заросшем камышом озере уток-нырков, одни из которых плавали, а другие летали взад и вперед.

В то время я любил Хастингса меньше всех остальных сыновей Рагнара. И, конечно же, я сказал бы об этом богу Тору в своих молитвах, так как, по его закону, закону рабов, работавших в поле, я должен был любить своего хозяина и его сыновей. И все-таки, Хастингса я ненавидел сильнее других сыновей Рагнара Лодброка. И я не могу объяснить, почему. Мы с ним были почти одного возраста, его рука была не так тяжела, как у некоторых других, хотя он громче смеялся над моей неуклюжестью и неловкостью.

Но я забыл об этом, едва завидев дичь. По правде сказать, мы с ним были разгорячены так, будто только что осушили изрядный бочонок крепкого хмельного эля.

Я испытывал сильное искушение сказать ему, что у меня в ящике, чтобы он смог разделить мою гордость за соколицу, как я – за его чудесного сокола, второго после сокола Рагнара. Он скоро освободит их от кожаных кlobучков, и мы увидим их стремительный взлет, миг, когда они заметят добычу, а затем разделим с ними их жгучую радость.

Утки были самыми быстрыми из плавающих птиц и хорошей наградой охотнику – не горсть перьев, как обычная дикая утка, а толстошеие, мясистые, – прекрасная еда для воина. У них были короткие, но очень сильные крылья. Иной раз, когда они бросались в озеро с высоты, казалось, будто сам Тор уронил свой молот Мьельнир.

Вышло так, что красоту этой сцены заметил лишь я один. Я сказал бы об этом Хастингсу, если б смел. Глаза рабов быстро мутнеют, но мои были еще достаточно остры. Это была красота норвежской весны, еще глубже ранящей сердце своей быстротечностью.

Лето едва-едва показывается в Норвегии, с трудом освобождаясь от ледовых пут.

Вокруг озера стеной стоял сосновый бор, такой густой, что казался черным. Сюда часто приходили волки, медведи и огромные сохатые лоси.

Вода в озере была более синей, чем небо в погожий день, за исключением тех мест, где рос изумрудно-зеленый камыш.

Когда же солнечные блики играли на серых спинах уток, казалось, что и они, и вода вокруг них отливали серебром.

– Посмотри, как сияет на солнце оперение птиц! – воскликнул я шепотом.

– Оно не будет так сверкать, когда мои соколы омоют в их крови когти, – проворчал в ответ Бьёрн, не удостоив меня взглядом.

Зато он посмотрел на своего слугу Горма и четырех подлиз – вольноотпущенников, шедших за ним по пятам, словно хвост за змеей. Они смеялись над каждой его шуткой, едва он открывал рот...

Своего сокольничего Сигурда он не одарил взглядом, а из всех людей Бьёрна он единственный был настоящим мужчиной.

Известно, что девы вод часто посещают одинокие озера, и наверное, одна из них обосновалась здесь и услышала похвалбу Хастингса. Во всяком случае, его соколы напрасно поднялись в небо. Один так едва не упал в воду позади утки, рванувшейся вверх.

Горм сказал, что какой-нибудь недруг отравил его, но и другой сокол так же позорно промахнулся. Почти все утки нырнули и спаслись от нападения.

– Господин, у меня есть сокол, которого я хочу испытать, – сказал я.

Хастингс ничем не показал, что услышал меня. Я уже давно заметил, что он часто делал вид, будто не расслышал сказанных слов, когда хотел выиграть время, чтобы принять решение.

Я наблюдал за ним, как раб за кнутом, я давно научился распознавать, когда он хитрит, по движению его густых рыжих ресниц. Только посадив своих соколов с клубочками на головах в клетки, он мельком взглянул на меня:

– Ты, кажется, что-то сказал, Оге? – спросил он милостиво.

Я уже пожалел, что заговорил. В мои планы входило продемонстрировать свою белую соколицу лишь после того, как Рагнар услышит мой рассказ о ней и потребует показать птицу.

Рагнар был жестокий хозяин, и его надсмотрщик со стальными мускулами мог засечь до смерти пятьюдесятью ударами, но я старался не вызывать его гнева.

Китти как-то сказала мне, когда я подрост настолько, чтобы Хастингс приметил меня, что из старого медведя и молодого воина, она бы выбрала медведя.

Хастингс был самым красивым из сыновей Рагнара. Его волосы, брови и ресницы золотисто-рыжего цвета и белоснежные зубы прекрасно сочетались с северным загаром. Сила и грациозность младшего сына Рагнара напоминали об изяществе, красоте и мощи оленя. И, без сомнения, его синие глаза, чистые и смелые, заставляли биться сильнее многие девичьи сердца.

И хотя боги дали ему все, чтобы наследовать земли Рагнара, судьба распорядилась иначе – он был младшим сыном, а, значит, последним в очереди.

– Господин, я заговорил, но я не должен был этого делать, до того, как мне прикажут.

– Ты не сделал ничего плохого. Что ты сказал?

– Мои слова походят на орехи без ядер.

– Тем не менее, я разгрызу их.

– Я говорил, господин, что у меня есть сокол, и он может взлететь, если желаете.

– Вот это новость! Раб с соколом! Как же ты заполучил его?

– Я обнаружил ее на дереве. На высокой сосне. Она сидела, сложив крылья, и замерзала. Сперва я подумал, что это лишь небольшой пятнистый сугроб. Я залез на дерево и спас ее.

– Ты приручил и натаскал ее сам, или она улетела от какого-нибудь знатного хёвдинга?

Тут он посмотрел на своих подпевал. Я не знал, что было в его взгляде, но я разглядел, что появилось в их глазах – обещание не насмехаться надо мной.

Ни один из сыновей Рагнара или даже сам великий Викинг не смогли бы этого сделать.

Я был красным, но не от ярости, а от стыда. Ярость не подобает рабу. Чем меньше в нас ее, тем дольше мы живем. Я же не был свободным. Я не был даже домашним рабом – треплем. Я был рабом с ошейником. Но, с другой стороны, он защищал меня от насмешек и оскорблений, как уши защищают осла, а вой – собаку.

Было бы правильным сказать Хастингсу, что мой сокол, наверно, улетел от какого-то хёвдинга. Тогда он забрал бы его, заявив, что найдет этого хёвдинга, настоящего владельца, а сам бы оставил его у себя, да, быть может, бросил бы мне несколько костей со своего стола.

– Господин, всему, что она знает, обучил ее я сам в свободное время. – И я почувствовал, как холод пробежал по спине, когда я добавил: – Правда, она очень быстро училась.

– Ну что же, открой ящик, и мы посмотрим на твою соколицу. Было бы куда лучше для меня, окажись она обычным соколом или кречетом. Внезапно я осознал весь ужас того, о чем с надеждой мечтал: что мой сокол с тех западных островов за горизонтом, о которых рассказывают моряки. И я не сомневался, что мой сокол был лучше тех, что Хастингс, Сигурд Сокольниковый или сам грозный Рагнар видели в своей жизни.

Я открыл пыльный ящик. Соколица сидела, поблескивая начищенными острым клювом перышками. И судьбой мне было предначертано поднять ее на вытянутой руке вверх и снять с ее головы кожаный клубочок.

– Убей! – скомандовал я, когда большие золотистые глаза взглянули в мои.

И она взлетела так высоко, что казалась не больше ласточки. Вынырнувшие утки клевали мелкую рыбешку и личинок в холодной прозрачной воде, не замечая охотницу.

– Как ты зовешь ее, Оге? – по-прежнему милостиво спросил Хастингс.

– Стрела Одина, – ответил я.

– Я не знал, что твой бог – Один. – Он подразумевал, что я не был воином и не мог молиться богу воинов, так как мне полагалось звать к Тору.

– Но я думаю, что Один – бог этого сокола.

– Хороший ответ, и я не отрицаю, что она достойна своего имени.

Неожиданно соколица устремилась вниз, наши сердца не успели трижды стукнуть, мы не могли понять, кто станет ее добычей, так велика была высота. И в тот миг она оправдала свое имя. Она была послана Судьбой, казалось, я слышал пронзительный свист ее падения. И видел белый след в небе. К озеру летела стая нырков. Я заметил их в тот момент, когда они обнаружили прямо над собой Стрелу Одина. Птицы выгнули крылья, скользнули в стороны и с невиданной быстротой помчались назад, стараясь укрыться от когтей и клюва хищника. Но одна из птиц, чье оперенье блестело на солнце ярче других, отстала от стаи. Это был старый селезень, удар его крыла вполне мог перебить руку взрослому человеку. Ему уже сотню раз удавалось улететь от соколов за свою долгую жизнь, и он гордился этим по праву. Но теперь он был обречен, и знал это. Не обращая внимания на испуганную стаю, Стрела Одина преследовала только его одного.

– Ты говоришь, что учил ее лишь в свободное время? – тихо спросил Хастингс, следя за погоней.

– Да, господин. – Я хотел повторить, что она быстро училась, но не стал.

Охотник и его жертва летели так же, как раньше. Быстрые взмахи их сильных крыльев были красивее и изящнее танца девушек у костров Бальдра. Когда между птицами осталось расстояние в рост человека, Стрела Одина рванулась вперед, как молния, словно из тугого

лука, чтобы подарить селезню поцелуй смерти. Но он сумел увернуться, этот король кричащих в камышах птиц. Он бросился в сторону, и сильные когти соколицы лишь вырвали несколько перьев из его серебристой спины.

Селезень вновь повернулся, на этот раз против ветра. Он разорвал воздух, как могучий бурав.

Теперь его преследователь не мог прижать жертву к земле, зато летел он чуть ниже, оттесняя селезня от озера.

– Она позволит надеть на себя клобучок после того, как убьет? – все так же тихо спросил Хастингс.

– Да, господин.

– Почему она гонит селезня прочь?

– Она не дает ему лететь к озеру. Я видел, что многие дикие соколы поступают именно так.

– Да, я тоже видел такое. Что скажешь, Оге? Ты вправе гордиться своей воспитанницей. Что-нибудь беспокоит тебя?

– Ничего, кроме рабства.

– Клянусь богами, я и не подозревал! Тем временем селезень изменил направление и летел прямо на нас. Это выглядело так, словно соколица гнала его сюда, чтобы положить к моим ногам. Стрела Одина метнулась вверх, словно прыгун, оттолкнувшись крыльями. Ее клюв и когти вонзились в селезня. Две падающие звезды – белая охотница и ее серебристая жертва – начали стремительный полет вниз. Они опустились на землю, словно любовники, не разжимающие пылких объятий.

– На руку! – скомандовал я, подставляя руку.

И, сильно взмахнув крыльями, Стрела Одина плавно подлетела ко мне и опустилась на руку. Но я не стал закрывать соколицу. Какой бы ни была ее судьба, я хотел, чтобы она видела ее.

– Ты отлично вышколил птицу, – сказал Хастингс.

– Ей было суждено убивать и летать. Я только сумел заставить ее делать это для меня.

– Ты бы не смог выучить ее в свободное время, если она из обычных перьев и мяса. Или ты обманул моего отца Рагнара и тогда должен умереть под плетью, или это оборотень. Если так, то в ее жилах нет крови и ей нельзя причинить вред. Что ж, проверим!

Хастингс потянул меч из ножен, и солнце вспыхнуло на клинке. Мы были обречены на смерть, но не шелохнулись. Тем временем сверкающая сталь направилась в нашу сторону. Но она не срубила голову соколице и не вонзилась в мое сердце. Вместо этого острое лезвие скользнуло по боку птицы. Ее крыло упало, и капли крови алыми бусинками покатались по перьям.

Она повернула ко мне голову, и большие желтые глаза взглянули на меня.

– Убей! – сказал я.

Стрела Одина ударила, как из Лука Одина. Моя рука была как дубовая ветвь, которая не шелохнулась от удара.

Ее единственное крыло раскрылось в могучем взмахе, а кровь брызнула из обрубленного в суставе крыла, и Хастингс засмеялся над увечьем, которое нанес его меч.

Но потом он выронил меч, недооценив мощь ее броска. Девять острых наконечников Стрелы Одина глубоко впились в его лицо. Четыре когтя вонзились в каждую щеку и раздирали плоть, увеличивая рану. Девять – священное число Одина, и девятое острие, более страшное, чем остальные, могло легко разорвать его веки и погасить свет его глаз. Но ей было сказано убить, а не ослепить. И, хотя это было ей не по силам, она старалась изо всех сил. Так же, как и тогда, когда ее когти впились в тела птиц и клюв бил в их головы, ударила она в лицо Хастингса.

Не обращая внимания на крик боли, вырвавшийся у Хастингса, его дружина, за исключением Горма, разразилась хохотом. Он дал им свободу, но не смог сделать из них норманнов. Никто из них не помог ему, их охватило веселье, а он тщетно пытался оторвать соколицу от лица.

Затем он оторвал ее за ноги, сломав ей колени, и выдрал ее клюв. Хастингс бросил птицу на землю, и, казалось бы, вольноотпущенникам можно и утихомириться при виде его окровавленного, изодранного когтями и клювом лица. Но они не смогли, ибо оторванные ноги сокола продолжали торчать из его щек, словно сломанные стрелы.

Сигурд уставился на своего господина, что-то мыча, потом оглянулся на остальных. Те продолжали веселиться. Внезапно открытый рот Сигурда закрылся, а его прищуренные глаза расширились. Его лицо стало белым, как снег, и он умолк.

Он стоял так же тихо, как и я, пораженный в самое сердце.

Один за другим весельчаки замечали страх на лице сокольного и, увидев причину страха, умолкали.

Великий Рагнар, Великий Викинг, подошел к нам сзади незамеченным и теперь стоял рядом.

Он был очень бледен, я впервые видел его таким. Никто другой не видел, как бледнел Рагнар. Или не пережил этого зрелища, чтобы рассказать о нем.

На Рагнара было странно и страшно смотреть. Люди расступились перед ним, когда он пошел к сыну. Они смотрели на него в мертвой тишине, пока он вытаскивал один за другим восемь когтей из лица сына.

Кровь текла из каждой раны, и восемь ручейков слились с потоком из его растерзанного носа. Я с удовольствием взирал на эту реку.

В любом случае меня ждала смерть, и я радовался, что умру отмщенным.

– Мы соберемся сейчас в зале, – сказал Рагнар, повернулся и пошел к дому.

Хастингс одарил меня слабой улыбкой, выглядевшей очень странно на его обезображенном лице.

Люди потянулись к усадьбе. Я поднял Стрелу Одина. Она не могла ни летать, ни ходить, но ее голова была поднята высоко, и ярко горели ее глаза. Никто не остановил меня. Я положил ее в ящик.

И снова я шел позади всех.

Я нашел Стрелу Одина на дереве, а теперь меня повесят на дереве. Она почти замерзла тогда от зимнего холода, а меня скоро скует холод Смерти. Боги решили все за нас, и, значит, так суждено. И я громко засмеялся.

В огромном пиршественном зале, увешанном коврами, горели жировые лампы и дубовые факелы. Рагнар поднялся на свое место, почетное сидение, вырезанное из деревьев, посвященных Одину. Его одежды были из прекрасной шерсти из Дорстада и украшены застежками из золота и серебра. На руках красовались массивные золотые обручья в виде двух сплетенных змей.

Ниже Рагнара, на скамьях, с одной стороны сидели его знатнейшие даны. Их было двадцать человек. Напротив у стены стояло двадцать вольноотпущенников. Между ними на табурете стоял Хастингс. Его раны уже не кровоточили. Я занял место неподалеку от него, окровавленный, прижимая мертвую соколицу к груди.

– Пока Оге мой раб, я буду поступать с ним так, как сочту нужным, – провозгласил Рагнар.

Я не думал, что кто-нибудь будет это оспаривать. Не было необходимости собирать суд, когда какой-нибудь раб чинил насилие над свободным, тем более, над сыном хозяина.

Голос Рагнара наполнял уши людей как низкий рокочущий гром, а его присутствие ощущалось во всем. В коричневых одеждах, похожий на огромного горного медведя, он был так

же громаден и лохмат. Народ не уставал удивляться – даже говорить об этом, когда мед развязывал языки, – что у него родился такой учтивый и светловолосый сын, ведь сам он был темен и груб, как медведь. Сын же унаследовал красоту матери, младшей жены Рагнара, Эдит, которая уже умерла.

И я был очень удивлен, когда богато одетый человек высокого рода, сидевший немного в стороне от остальных, встал со своего места. В тусклом свете я узнал Эгберта из Нортумбрии, из Английского королевства, расположенного много южнее, куда Рагнар ходил в поход семнадцать зим назад. Эгберт был выслан из Англии, а здесь с помощью Рагнара построил большой дом в стиле, новом для данов, дальше по реке, на краю Дома Акре. По праву рождения и по праву богатства он был у себя на родине очень знатным эрлом, если не претендентом на трон.

– Говори! – сказал ему Рагнар.

– Я могу говорить сейчас только с твоего позволения? У нас не было такого договора, Рагнар Лодброк. Ты позвал меня на суд своего раба. Если у меня нет права голоса здесь и я могу только слушать твой приговор, словно немой пес на пожаре, я, пожалуй, поеду к себе ловить лосося.

– Что до меня, то с раба надо содрать кожу, – сказал Эрик, самый знатный из всех ярлов Рагнара, без его позволения.

Рагнар не мог скрыть своего раздражения и насупился, услышав насмешку.

В тот день он был в ярости, он был настоящим конунгом, но Эрик и другие ярлы настаивали на соблюдении старых дедовских обычаев. Они служили ему, делили с ним еду, мед и добычу, но не платили ему дани и не обнажали перед ним головы. Самый лучший из всех предводителей викингов, он действительно стоил того, чтобы гордиться им и идти с ним на смерть. Но в их голубых глазах он не был богом.

– Когда ты услышишь, к чему я приговорю его, я попрошу тебя высказаться, – сказал Рагнар.

Затем он повернулся ко мне.

– Оге, ты нарушил три закона, и за каждое нарушение тебя следует предать смерти. Во-первых, ты пренебрег работой ради увлечения или безделья. Во-вторых, ты присвоил себе право соколиной охоты, имеющееся лишь у хёвдингов и ярлов. В-третьих, ты держал сокола, натаскивал его и позволял ему охотиться. И если твоя вина была лишь в этом, я окажу тебе милость. Вместо того, чтобы повесить тебя на первом же суку, я посвящу тебя Одину в Священной Роще и принесу тебя ему в жертву.

– И ты назовешь это милостью, Рагнар? – раздался тихий голос и, притом, без позволения. Но Рагнар услышал и повернул свою бычью голову.

– Это сказал ты, Эгберт из Нортумбрии?

– Извини, но я сомневаюсь, что норманнам известно это слово. Парню только шестнадцать.

– И что?

– Тебе подскажет святой Уилфрид. Я всего лишь плохой христианин. Я, честно говоря, в замешательстве.

– Оге, – снова зазвучал громоподобный голос викинга, – когда мой сын, Хастингс Юный, обнаружил твое пренебрежение долгом, ты бросил сокола ему в лицо, желая ослепить.

– Нет, господин, я не делал этого.

– Я видел это собственными глазами, когда поднялся на холм.

– Тебя подвели глаза, господин. Стрела Одина бросилась сама с моей неподвижной руки.

– Это с одним-то крылом! – И Рагнар засмеялся.

– Смейся, если хочешь, Рагнар, – сказал старый сокольничий, – но это так.

– А что ты ей приказал? – спросил Рагнар, и его голос был ниже, чем обычно.

– Убей.

– Я не знаю сокола, который был так же хорошо тренирован. Наверняка тебе помогала Китти Лапландка.

В комнате воцарилась напряженная тишина.

Китти, как и многие ее соплеменники, могла предсказывать судьбу и владела другими знаниями.

Хотя я помнил ее с самого рождения, я никогда не думал о ней как о колдунье. Но она умела многое, что я не мог ни понять, ни соразмерить, например, успокоить и укрепить мое сердце, когда мне было плохо и я чувствовал, что слабею. Во владениях Рагнара она была единственным человеком, которого я любил и которая, надеюсь, любила меня.

– Нет, господин, она не помогала мне, – ответил я.

– А ты пошли за ней, Рагнар, и вели ей говорить за себя самой, – предложил Эгберт.

Рагнар кивнул треллю, и тот выскочил из залы. Я обрадовался этому вызову, ведь Китти была слишком изобретательна, чтобы попасть в ловушку, и к тому же единственным человеком, способным мне помочь.

– Раб, поднявший руку или оружие на свободного, заслуживает поездки на Коне Одина, – провозгласил Рагнар.

Это значило, что раба должны вздергивать на виселице вверх-вниз, пока он не умрет.

– Раб, посягнувший на жизнь господина или членов его семьи, должен умереть под пыткой, – продолжил Рагнар. – Мне пришлось в голову, что наказание должно соответствовать преступлению. Так завещали нам наши предки. Ты поразил моего сына белым соколом. Так умри же от Красного Орла.

Смерть от Красного Орла доставалась убийцам знатных датских ярлов и хёвдингов. Убийце острым ножом быстро отрезают ребра от позвоночника и выгибают наружу, в виде летящего орла. Таким образом, мститель добирается до легких жертвы. Лишь однажды я видел такую казнь – Хастингс Жестокий расправлялся с человеком, убившим его друга. Я был тогда мальчишкой. Я убежал, и меня тошнило, под громкий хохот викингов. Мне казалось, что они бледнеют под своим загаром, и смех их уже слышен повсюду.

– А ты сильно его ненавидишь, – воскликнул Эгберт, – клянусь Христом, умершим за меня!

Я не сводил взгляда с Рагнара и увидел, что и он посматривает на меня. Разум мой был холоден. Под рукой я почувствовал слабое биение сердца Стрелы Одина.

– Клянусь дубом Одина, Эгберт! Ты считаешь, что я трачу свою ненависть на раба? – произнес Рагнар.

– Тогда почему ты хочешь убить его именно этим способом?

– Посмотри на лицо моего сына и поймешь.

– Оно милее, чем лицо девушки, – закричал Эрик и хлопнул себя по ноге.

Когда стих хохот сорока мужчин, Ивар Бескостный, старший сын Рагнара, произнес:

– Теперь и впредь будем называть его Хастингс Девичье Личико.

И ярлы весело заревели и дружно затопали ногами.

– Рагнар Лодброк, ты советовался с ведуньей? – спросил седовласый викинг.

– Я говорил с Меерой, которая, как вы знаете, мудрее многих колдуний. Она сказала, что смерть от Красного Орла научит всех рабов уважать законы, и что такая смерть милосерднее и быстрее, чем смерть под кнутом.

– А что скажет Хастингс Девичье Личико, если только его щеки удержат воздух, чтобы говорить?

– Что ж, я смогу обнажить меч, чтобы вырвать его лживое сердце и бросить воронам, – ответил Хастингс и тихо и злобно улыбнулся.

– Великий господин, я могу ответить на вопрос, заданный ярлом Эгбертом, если ты позволишь мне говорить, – раздался голос, который здесь еще никто никогда не слышал.

Китти вошла незамеченной, но теперь все взоры были прикованы к ней, к ее желтому лицу.

Маленькая угловатая женщина, одетая в оленьи шкуры, стояла перед собранием. Ее черные волосы были собраны в тугий хвост. Она никогда не говорила, сколько ей лет. Она считала, что это может причинить ей зло; и никто не мог быть уверенным, что не ошибся лет на десять. По мне, так на все двадцать.

Но даже Рагнар не смел возвысить голос на эту женщину, жрицу Одина, ведьму, чье светлое слово могло открыть судьбу конунга. Рабыня-лапландка принадлежала Меере, она никогда не получала достойного места на обряде Середины Лета, но ярлы и воины слушали ее, боясь проронить хоть слово.

– Я не знаю, о чем ты говоришь, Китти, – ответил Рагнар, – но ты можешь продолжать.

– Ярл из Англии спрашивал тебя, почему ты назначил своему рабу Оге Смерть Красного Орла: я скажу тебе, почему. Хотя ты не знаешь, как родился Оге, ты веришь, что он сын великого ярла. И потому ты выбрал для него эту смерть, какую высокородные даруют высокородным убийцам своих отцов и сыновей.

– Китти, ты всего лишь старая желтолицая пастушка северных оленей. Был ли его отец ярлом или троллем, держу пари на свои золотые браслеты, что он родился в хлеву.

Рагнар зашагал по залу тяжелой походкой. Теперь мне показалось, что голос у него гремел. Я знал уже, что я на волосок от Смерти Красного Орла.

– Несмотря на это, Рагнар, ты думал потешить Эдит на небе великой кровавой жертвой за раны ее сына, – продолжала Китти. – Это, должно быть, потому, что ты боишься ее молитв христианскому богу.

На этот раз тишина воцарилась надолго. Некоторые ярлы смотрели в пол, некоторые разглядывали ноги.

– Почему же я боюсь христианского бога? – покраснев, спросил Рагнар. – Потому что он выйдет против меня в бою? Я, Рагнар, сын Ринга, происхожу от бога Битв.

– Нет ни бога, ни человека, которого ты бы испугался в бою, Рагнар, вождь викингов. Но, в глубине души, норманны боятся христианского бога сильнее, чем Хель, богиню мертвых.

Рагнар сел, вытянул ноги, как всегда, когда думал, и забыл о нас. Ярлы наблюдали за ним, ошеломленные и сбитые с толку. Они были похожи на мальчишек, пытающихся понять руны и высунувших от усердия языки.

– На это я скажу тебе вот что, – великий вождь нарушил молчание, – Бог христиан – самый великий Бог из всех, каких я знаю, и нет стыда в том, что мы боимся Его, если мы искренне верим в своих богов и нашу судьбу.

Он остановился и замолчал, и тогда заговорил его сын Ивар Бескостный, возвысив голос.

– Какова же эта судьба, отец мой Рагнар?

– Такова, что мы опустошаем христианские земли во всех концах мира, берем звонкое золото и блестящее, как зимняя Луна, серебро, и привозим драгоценные, сверкающие на солнце, камни.

Присутствующие взревели во все горло. Не орали лишь трое. Одним из трех был Эгберт, другим – Хастингс Девичье Личико, который редко кричал или повышал голос, и третьим был я. Я бы тоже закричал, если бы не думал о том, что обречен умереть.

– Но что с того, что перед этим Богом свалены груды золота, серебра и драгоценных камней? – спросил огромный Эрик.

– Этим мы покажем, что мы не боимся ни Белого Христа, ни Его жрецов в длинных одеждах.

Ярлы закричали еще громче.

– В христианских королевствах есть нечто большее, чем золото и драгоценности, – тихо промолвил Хастингс.

– Клянусь богами, да он может внятно говорить, несмотря на дырявые щеки! – сказал его брат Бьёрн Железнобокий.

– Это то, что нашел Олав Белый, – продолжал Хастингс. – Сейчас он король Ирландии, и его даны живут в крепких усадьбах, и у них откормленные стада, а хлеба его на полях в рост человека.

– Клянусь бородой Тора, – перебил Эрик, – я думаю, что какой-нибудь пахарь добрался до ложа Эдит и подарил ей мальчишку с красивым личиком. Что должны делать морские соколы со свиньями и коровами христиан? Я бы предпочел уйти, захватив их сокровища и прекрасных девушек.

– В словах Хастингса есть смысл, – быстро сказал Рагнар. – Англия будет принадлежать нам прежде, чем земля вновь покроется снегом. И ей будет править король, посаженный мной, а мои ярлы станут английскими эрлами. Ты будешь носить корону, Эгберт, и с этого момента меня будут интересовать все твои мысли. Китти сказала, что я хочу потешить Эдит кровавой жертвой. Разве я дурак?

– Похоже Эрик прав, и один из вас – сын пахаря, – осмелел Ивар, сын Рагнара от его первой жены Торы.

На длинных лицах ярлов появились ухмылки.

– Да, характерами мы с Хастингсом не схожи, но едва ли это можно счесть за доказательство измены, – ответил Рагнар. – Ивар, а ведь ты сам больше похож на дрожащего раба, чем на меня.

– Рагнар не меня имеет в виду, – сказал я, когда Ивар глянул в мою сторону, – я ведь не дрожу.

– Еще задрожешь, и очень скоро, – пообещал Рагнар. – Ладно, хватит буяннить. Что же ты скажешь, Эгберт?

– Прости мой медленный язык, Рагнар Лодброк. Честно говоря, между твоим и английским двором есть разница. Мы не допускаем шуток о верности наших жен.

Он произнес эти слова надменно, заставив Рагнара опустить голову. Некоторых ярлов возмутил этот урок хорошего тона, но тут поднялся старый Эрик:

– Мне больше верится в то, что у вас просто нет повода для шуток, или же, что вы не опоясываете их поясами верности, отпавляясь воевать, – рявкнул он.

Ярлы, вскочившие было с мест, успокоились и уселись.

– Я отвечу тебе, Рагнар, – продолжил Эгберт, когда в зале стих шум. – Я слушал священников и думаю, они не правы. Эдит не могла попасть в рай, если она избавилась от своих грехов, от жажды мести, например. Она зарыдает над ранами Хастингса, но разве ты не захочешь пощадить его обидчика? Ведь способность прощать превыше всего ценится на небесах. Мы должны прощать наших обидчиков – если хотим, чтобы другие прощали нас.

– Но я совсем не желаю, чтобы другие прощали мои грехи, – яростно возразил Рагнар, – если я их совершаю, то мне и платить за них.

И ярлы согласно закивали, ибо это им было понятно.

– Как вы думаете, какое наказание придумать Оге за его преступление? – спросил Рагнар.

– Я думаю, наказание должно быть таким, чтобы оно стоило жизни, но давало шанс выжить. Зачем убивать, если можно получить за голову человека золотое кольцо? Если ты сомневаешься, то я куплю его здесь и сейчас, и избавлю тебя, Рагнар, от его присутствия.

И Эгберт стянул с пальца прекрасное золотое кольцо.

– Нет, я не продам его, хотя и купил себе на горе. Это все Меера-ведьма, она посмеялась, увидев, что я купил Китти на рынке в Дорстаде, потому что она выкармливала своим молоком какого-то чужого мальчишку и не было другой кормилицы. Работорговец ютов отдал мне его за сломанный моржовый клык. В ту ночь я слышал, как Меера смеется во сне, а все люди знают, что это предвещает беду, и я разбудил ее. Она видела сон о нем. Даже если я продам

его, я умру в доме человека, купившего его у меня. Поэтому я кинул его на съедение чайкам в море, но тогда одежда удержала его на плаву, а чайки бросились от него врассыпную, и какой-то полоумный странник выудил его и вернул мне.

– Тогда тебе есть за что ненавидеть его, – пробормотал Эгберт.

– По правде говоря, его вид меня раздражает. В его лице есть что-то, что вызывает у меня поток мыслей, которые крутятся и тянутся, словно нитка на веретено. Мне кажется, что его отец – мой смертельный враг. Но я не продал его после сна Мееры, самой правдивой прорицательницы из всех, кого я знаю. Она считала, что лучше всего избавиться от него – заставить его выполнять долгую и тяжелую работу и заморить плохой едой – она очень скупа, как вам известно. Но он каким-то образом выжил.

Рагнар замолчал и долгим взглядом посмотрел на меня.

Я вспомнил, как Стрела Одина гордо держала голову, хотя умирала и ноги ее были сломаны, а крыло обрублено, и я старался держаться так же смело. И я поднял голову.

И встретил взгляд Рагнара.

– Оге, ты получишь то, что Эгберт называет милостью. Это будет смерть не от Красного Орла и не собачья смерть под кнутом. Я не ослеплю тебя и не стану отрубать тебе руки. Я помню, как чайки не захотели клевать твою рабскую плоть, но посмотрим, так ли поступят крабы.

Он повернулся к Отто Одноглазому – ярлы тяжело вздохнули – и велел ему выполнять приказ.

– Свяжите этому великому сокольничему руки и ноги и оставьте его на берегу, куда рабы из поварни приносят объедки. Если он выживет после прилива, любой ярл может забрать его себе.

Я сидел тихо, как Стрела Одина у меня в руке. Ее голова теперь печально свисала и качалась взад-вперед. Отто Одноглазый послал за льняными веревками, которые причиняют боль, если их долго не снимать, а затем велел двум треллям связать меня. Я видел, как связывали перед смертью других людей.

Вся разница между ними и мной заключалась в том, что теперь другие наблюдали, как вяжут меня. У меня кружилась голова, я был словно в жару. Но это должно было отвлечь меня от вида снующих вокруг крабов.

– Рагнар Лодброк, что мне делать с соколом? – спросил Отто, когда мне связали ноги и уже собирались вязать руки.

– Как ты с ней поступишь, Оге? – спросил Рагнар. – Она еще жива, но жизнь понемногу оставляет ее. Что ты решил?

– Вот это честно, – заметил какой-то ярл. – Оге уже довольно заплатил за нее.

– Я хочу, чтобы ее оставили со мной, – заявил я.

– Но она не сможет забраться тебе на плечо без ног... Отто, свяжи ему руки впереди, чтобы можно было положить ее ему на руки.

Так и было сделано, и я укрыл соколицу на своей груди, пока Оффа Бычья спина, финн, взваливал меня на спину. Даны начали подниматься со скамей, и те, у кого были лошади, направились к выходу, дыбы увидеть, как будут кормить крабов. Они задержались, чтобы посмотреть на процессию из кладовой: Меера из Кордовы несла большой серебряный рог Рагнара, а два трелля согнулись под тяжестью окованной железными обручами бочки. Отто Одноглазый освободил путь для несущих веселье, и моему «скакуну» ничего другого не оставалось, кроме как остановиться, тяжело дыша.

– Меера, я не просил эля, – сказал Рагнар, немного удивившись.

– Я подумала, что твоя глотка может пересохнуть. Она ждала смеха, который так и не последовал. Как бы остроумна она ни была, я не заметил, чтобы дрогнула хоть одна борода.

– Все вы довольно дразнили меня моей скупостью; я приготовила это для вас, считите сами, сколько чаш вы сегодня опорожните.

Я смотрел на нее, как тогда я думал, в последний раз. И смотрел поэтому внимательнее, чем обычно, а, возможно, и потому, что просто боялся думать о судьбе, которая меня ждала. Меера досталась Рагнару примерно восемнадцать лет назад. Тогда ей, должно быть, еще не было двадцати. Она словно сошла с иконы в христианском храме. Но ее красота отличалась от красоты христианских девственниц. Пожалуй, лишь ее светлые волосы напоминали о франкском или саксонском происхождении, зато кожа была смуглой. Ее черные глаза сверкали над резко очерченным носом. Я слышал, что многие даны не отказались бы скоротать с ней длинные зимние ночи. Но они ни за что не осмелились бы сказать об этом Рагнару, а служанки в доме клялись, что хёвдинг ни разу не спал с ней с тех пор, как похитил ее из Кордовы. Он ценил ее за мудрые советы и хитрость, доверял ей торговые дела во многих городах и связку ключей.

– Ну что ж, это неплохое угощение в такую холодную ночь! – проговорил Рагнар.

– Должен пройти час, если не больше, пока крабы осмелеют, – продолжала женщина, – пускай льется мед и звучит смех.

Она протянула ему рог, а мы вышли за дверь. Я повернул голову, чтобы посмотреть, не идет ли кто за нами. И увидел ту, что, как я был уверен, останется со мной до конца.

Когда мы добрались до освещенного луной берега, приземистая квадратная фигура ускорила шаги и добралась до залива раньше нас.

Вообще-то, это была ложбина на берегу, обычно сухая при низком приливе и едва ли в рост человека глубиной – при высоком. Сейчас воды было не больше фута. И там плавал мусор, накопившийся за день: рыбные потроха и прочие отходы. И тот, кто увидел бы свободного человека среди всего этого, понял бы, что он совершил преступление, которое можно смыть только кровью. Но я был всего лишь раб Рагнара. И я был невиновен.

– Ты оставишь его здесь, – приказала Китти Отто Одноглазому, указывая на место, до которого можно было дотянуться рукой с крутого берега.

– Тогда ты сможешь дать ему руку, когда прилив достигнет ошейника, – возразил Отто.

– Сомневаюсь, что вода доберется до этой высоты. А если и доберется, то никто не сможет запретить мне подать ему руку. Если же нет – он останется там до отлива. И тогда ярлы подберут его останки.

– Да, так сказал Рагнар. Но откуда я знаю, что ты его слушаешь?

– Если бы он был свободным, то мог сам выбрать свою судьбу.

– Чтобы раб выбирал судьбу? Не стану спорить; но ты ошибалась в одном, желтая женщина. Рагнар приказал бросить его туда, а не доставать, как ты собираешься это сделать. Ну-ка, Оффа Бычья Спина, забрось его подальше.

Я отдал Стрелу Одина Китти, а затем Оффа так толкнул меня, что я пролетел порядочное расстояние и шлепнулся на спину среди коровьих костей на дно грязной ямы. И я не мог высунуть голову из зловонной жижи, пока не перевернулся на живот и не отжался на руках. И я трижды едва не падал, потому что затекшие ноги не держали меня. В это время Отто уже спешил за своей порцией эля, а Оффа торопился следом. Хотя все тело сводило судороги и я дрожал от холода после купания, голова была не удивление ясной. Ни один краб не укусил меня, пока я плескался. Пиявки тоже меня не трогали. И угри не вились вокруг. Я думал, что все хищники соберутся на пир, едва я окажусь в этой луже. И даже прилив не старался утопить меня, лишь накатил на меня из глубокого соленого ледяного моря и охладил мое разгоряченное тело и смыл грязь с одежды.

Китти потянулась с берега и передала Стрелу Одина в мои связанные руки.

– Я буду занята некоторое время, – сказала она.

И стала собирать сухой плавник, который не заметили рабы с поварни, и складывать в кучу на берегу. Я наблюдал, как она ходит в лунном свете. Ее движения были плавными, без

всякой спешки. Но работа быстро продвигалась. Я повернулся и посмотрел на огромную реку, которая медленно поднималась из-за прилива. Две луны успели родиться и исчезнуть со дня середины лета. И ночи опять были достаточно длинны для пиров, а звезды крупны и яркие. Хотел бы я вновь увидеть зимние костры.

Раздались удары топора, и вскоре подошла Китти, неся два столбика, которые она вколотила в мягкую землю. Затем она ушла и вскоре вернулась с черной палкой в одной руке – и я потом понял, что это длинная кочерга из кузнецы, и железным котлом – в другой. Продев кочергу в ручку котла, она укрепила ее на столбах. Котел весом около пятидесяти фунтов, да еще наполовину наполненный водой, – такую ношу не унесешь одной рукой. Но Китти дышала спокойно, выкапывая ямку и устраивая в ней костер.

Затем она вновь исчезла в темноте и вернулась с глиняным горшком и телячьей задней ногой.

Было похоже, что она собирается готовить обед для целого драккара воинов, да еще по особому рецепту. Разведя сильный огонь, она порезала мясо длинным ножом, всегда висевшим у нее на поясе, и сложила его в котел. Я наблюдал за ее квадратным желтым лицом с носом-пуговицей, прямыми губами и узкими глазами. И хоть руки ее так и мелькали, лицо оставалось бесстрастным.

– Ты дрожишь, Оге?

– Начинаю.

– Что у тебя болит?

– Только ноги.

– Как ты думаешь, сколько длится прилив?

– Часа три-четыре.

– Почти четыре. Хотела бы я знать, как ускорить его, но эта тайна мне не ведома. Я бы хотела попросить Одина, бога Ветров, выдуть воду из залива, но не знаю как.

– Чем ты можешь мне, Китти?

– Вот этим, – она указала на котел, который лизали языки пламени.

– Ты это делаешь для меня или назло Рагнару?

Кончики ее губ поползли вверх, а лицо стало круглым, как луна.

– Что?

– Ты и сама знаешь, Китти.

Она погрузила руку в котел и облако пара окутало ее лицо. Она сразу наполнила деревянную кружку, принесенную под накидкой и, с трудом дотянувшись, поднесла ее к моим губам.

Это был всего лишь крепкий мясной бульон, я выпил его с благодарностью, хотя дрожь пробирала меня сильнее и боль в ногах усилилась.

Неожиданно я был потрясен ужасной мыслью.

– Китти! Ты надеешься поддержать во мне жизнь с помощью супа?

– А на что еще мне надеяться? Я же не могу остановить прилив.

Я никогда не считал ее красивой. Я чуть не рассмеялся, подумав об этом – скиталец должен думать о смерти, о путешествии в неведомое, о ледяном дыхании, которое настигает мужчин, кто обречены совершить девятидневное странствие в Хель. Сейчас Китти казалась мне красивой, потому что впервые на моей памяти ее раскосые глаза блестели от слез, а уголки губ кривились от жалости.

Я едва не расхохотался из-за ее попытки оттянуть мой смертный час при помощи супа. Приливу осталось пройти еще полпути, чтобы утопить меня. Или же чудовищу из морских глубин заплыть в устье реки и пожрать меня. Я страстно желал умереть в битве.

Были известны случаи, когда сильного и смелого раба освобождали от ошейника и полевых работ и брали на борт боевого корабля, отправлявшегося в набег на христианские страны.

Тогда меня могла бы выбрать валькирия, которая отнесла бы мое окровавленное тело в Вальгаллу.

Прибрежный ветер доносил крики и смех. Чаши наполнялись до краев, и длинные усы становились белыми от пены...

...Ужас наполнял сердце, высоко вздымались языки пламени. Сколько желтого золота, сияющего серебра и сверкающих самоцветов можно было вывезти из христианских стран. Дети Одина грабили монастыри и убивали священников в белых балахонах. Потом они возвращались лебединой дорогой, и вода заливалась в отверстия для весел – так глубоко сидели в воде корабли.

Китти ушла и вернулась, волоча за собой древесный ствол.

Она дала мне еще одну порцию бульона, на этот раз более крепкого. Затем обрубилa ветви на стволе и протянула мне третью чашку.

– Я больше не могу, – сказал я.

– Пусть все идет своим чередом.

Китти вырезала шест длиной около семи футов и заострила один конец. Затем она сняла свою одежду из оленьих шкур и, оставшись в одной рубашке, вошла в воду. Она вогнала шест глубоко в дно возле меня.

– Зачем это? – спросил я.

– Чтобы продержаться ночь.

– Я должен держаться ради Стрелы Одина.

– Да. Положи руки на шест и прижми его к груди.

Она вылезла, оделась и протянула мне очередную чашку супа.

Шум веселья усилился, но через некоторое время начал постепенно стихать. Тем временем прилив сжал мой живот ледяным кольцом.

Вода морозила сильнее, чем ошейник зимним утром. На лице и на груди выступил пот. Ноги онемели, словно их заколдовал злой колдун.

Китти увидела что-то на другом берегу и стала торопливо рубить дрова. Вскоре к нам приблизилась женская фигура, и Китти встала с топором в руке, ожидая ее. Эта женщина была Меера, казавшаяся тенью в лунном свете.

– Ты взяла мясо и принесла сюда котел без моего позволения, – сказала она Китти.

– Да.

– Я знала, что ты делаешь, и могла помешать тебе, но не стала. Напротив, я рада, что ты помогаешь рабу и облегчаешь его страдания. Как думаешь, ты сможешь удержать в нем жизнь, пока не закончится прилив?

– Нет, госпожа.

– Сколько еще будет продолжаться прилив?

– Пока рукоять Большого Ковша не скроется за деревьями.

– Так долго?

Меера побежала легко, словно девочка, по берегу.

С тех пор, как я пил бульон в последний раз, прошло немало времени. Я уже чувствовал, как холод смерти опутывает меня и пальцы его тянутся к моему сердцу, но тут Китти вновь поднесла мне чашку. И сразу живительное тепло заставило холод отступить.

– Зачем ты солгала Меере? – спросил я. – Прилив продолжается долго, но не настолько.

– Почему она пришла сюда?

– Что я знаю об этой женщине?

– Зачем она принесла здоровенную бочку эля данам? Для того, чтобы они перепились и уснули? Но один пропускал чашу, когда она предлагала. Нет, он поднимал ее, но пригубливал только пену. Он поднимется, пока другие будут спать. Который из них?

– Хотелось бы, что бы это был Эгберт. Он бы не стал выуживать меня назло данам, но если все даны спят...

– Нет, между Эгбертом и Меерой нет ничего общего.

– Что же делать? Когда прилив спадет, меня уже не будет в живых. Я обречен.

– Нет, потому что с тобой умрет великая соколица с острова на Западе.

Птица лежала на моих руках так тихо, что я давно уже считал ее мертвой. Но когда я провел пальцем по перьям, то ощутил слабое биение ее сердца.

– Если я выживу и ни один ярл не выловит меня отсюда, если я сумею выбраться – я так и останусь рабом Рагнара. Это лучше, чем стать рабом любовника Мееры?

– У Мееры нет любовника. На ней лежит проклятие: мужчина, чей огонь любви коснется ее, получит взамен лишь ледяное объятие. Но я думаю, что лучше быть рабом Рагнара, чем того, кого она прочит тебе в господины.

– Пожалуй, мне лучше всего умереть и не быть ничьим рабом. – Но на самом деле я не хотел, чтобы слова мои сбылись.

– Наверное, есть еще кто-то, кто хочет считать тебя своей собственностью и кто, как она боится, придет сюда за тобой, а иначе зачем сегодня они выкатили столько эля?

Это был пустой разговор. Холод смерти вновь начал сжимать мое сердце, атакуя со всех сторон, словно северный ветер, ищущий щель в стене.

Иногда летом, казалось мне, звезды горят теплым ласковым светом, но сейчас они блеснули холодно, как клинки врага.

Один задул в море с берега, но вряд ли у меня хватит сил продержаться до отлива.

Я говорил это и раньше, но в душе не верил. Теперь же все во мне повторяло: «Да, да!» – и я знал, что так и будет.

Сладость теплого питья снова вернула меня к жизни. Был конец лета. Этой ночью зима начала свой поход, на месяц раньше срока. Ледяные великаны шагали по горам, лесам, через поля, и уже завтра траву покроет иней. И уже завтра мои кости будут лежать среди бычьих костей на дне этой лужи.

Мы умрем вместе, Стрела Одина и я. В моих руках на шесте лежало ее тело, но смерть еще не взяла ее.

– Тор, позволь душе Стрелы Одина присоединиться к моей душе. Рыжебородый бог грома, позволь нам обоим сойти на Землю в образе двух больших соколов с клювами, способными ослепить человека, и когтями, которые могли бы вырвать у него сердце.

Я прислушался, желая уловить звон молота Тора по его наковальне. Но вместо этого услышал тихое пение откуда-то из северного неба.

Пение становилось все громче и красивее, но мелодия была незнакома. Она была печальней, чем песня женщины, оплакивающей великого воина, который уходил в далекие походы и возвращался с червонным золотом, белым серебром и самоцветами, горящими всеми цветами радуги, а теперь бездыханный лежал на берегу. Возможно, это была песня женщин – прекрасных дев на белых конях, летающих над полями сражений. Они носят серебряные брони и шлемы, их мечи вспыхивают, как молнии. Глаза их синее неба, а волосы ярче золота. Каждая песней на устах бросается в битву, чтобы унести с собой изрубленного и окровавленного героя.

Быть может, одна из них взглянула вниз и, из любопытства, спустилась на землю. Но нет. Раб в ошейнике, умирающий от холода в грязной вонючей луже, – не герой. Что ему делать в чертогах ее властелина Одина? Он никогда не приносил ему жертв и не молился в священном лесу, никогда не танцевал в пляске мечей перед богом битв. Предоставьте ему молиться Тору, богу рабов-земледельцев, который пробуждает грома и орошает дождями жаждущую землю.

Валькирии пролетели, и их дикая песня стал стихать. Это были всего лишь лебеди, как сообщила Китти.

– Я и не говорил, что это валькирии.

– А я думаю, что именно это ты и подумал. Ты уже начинаешь грезить, Оге, и я боюсь, что тебе недолго осталось.

– Я вернусь обратно большим соколом. Я буду великим Драконом Длинного Пролива. Стрела Одина, позволь мне присоединить твою душу к моей. Умру я, или останусь в живых, дай мне остроту и силу твоих когтей и клюва, огонь твоих глаз и ярость сердца!

И мой сокол приподнял голову и задрожал.

– Слушай меня, Стрела лука Одина, Крылья ветра, Стрела с девятью жалами. Ты отметила своей печатью моего врага Хастингса, и он не забудет меня ни живого, ни мертвого. Соедини свою душу с моей, чтобы я мог нанести и Рагнару девять кровавых ран, глубоких, смертельных. Пусть твоя жизнь волеется в мою!

Я не понимал, что говорил до тех пор, пока Стрела Одина не забила шею и пытаясь взмахнуть крылом, в моих руках. Ее клюв широко раскрылся, и я знал, что это позволение взять ее жизнь и присоединить к своей. Алая струйка крови потекла из клюва – ее жизнь, и я поднес ее ко рту и поцеловал, и ее душа не улетела на небо, а перешла ко мне в ту минуту, когда я ощутил вкус ее крови.

Великая соколица Стрела Одина была теперь бездыханной мертвой плотью и перьями.

– Я Оге Кречет, – сказал я Китти.

– Ты сходишь с ума...

– Теперь я молюсь Одину, богу Битв!

– Боюсь, он пришлет огромного Волка сожрать нас обоих. Но я закричал так, как кричат в бою воины, призывая его:

– Один! Один!!!

После моего крика повисла глубокая тишина.

– Слушай! Он скачет на своем восьминогом коне.

Сперва я не слышал ничего, кроме шума прилива. Но затем издали, с холма, поросшего лесом, послышался звук, напоминающий гул, с которым волны медленно катятся на берег.

Воздух ожил, и в нем почувствовалось какое-то движение. Повсюду слышались стоны, вздохи и рыдания, вода забурилась, и в ней появились неясные тени, стремительные, точно охотящиеся лососи. Шелест сосен слился с шуршанием волн.

Из поднебесья доносился пронзительный свист, словно огромный скакун несся быстрее, чем нападающий сокол.

А над землей разносился вой, будто гигантский волк разевал на луну свою пасть.

– Это северный ветер, – сказала Китти, – он гонит прилив назад.

Высокий человек в развевающихся одеждах бежал по берегу. Эгберт поглядел на меня и на воду, доходившую мне до подмышек, а затем обратился к Китти:

– Я спал у окна и услышал, как кто-то зовет Одина.

– Это был Оге Кречет и прилив повернул вспять.

– Это невозможно. Он всего-навсего раб, который может взывать лишь к Тору. Юный Хастингс был тоже разбужен этим криком, он отправился поглядеть в лес.

– Одина звал Оге Кречет, и мы оба еще живы. Вытаскивай его поскорее.

– Его разум помутился от холодной воды.

– Вытаскивай его побыстрее. Вон Хастингс бежит сюда.

– Клянусь Христом, распятым за меня, я его вытащу. Протянув длинную руку, он вытащил меня на берег. И я свалился к его ногам, довольный, что могу расслабиться. Эгберт повернулся к подоспевшему Хастингсу.

– Я заявляю, что этот человек – мой раб, – сказал своим тихим голосом Хастингс.

– Нет, он был еще жив, когда прилив обратился вспять, я вытащил его, и теперь он мой.

– Я оспариваю твое право на него. Ведь ты не ярл Рагнара.

– Рагнар не запрещает рыбалку даже своим собственным ярлам, а я – ярл Осберта, короля Нортумбрии. Прощу тебя, уйди с миром. Иначе я встречу твой вызов мечом.

Хастингс постоял несколько мгновений, а затем произнес своим мелодичным голосом:

– Видно, мне придется уступить.

Я с трудом понимал, что они говорили. Мне казалось, что Эгберт был рад миром закончить встречу с Хастингсом, сыном вождя викингов. Мне казалось, он уже жалеет о том, что спас меня, и я, раб, должен противостоять ненависти Хастингса и мести Рагнара.

– Я могу поклясться, что кто-то совсем недавно звал Одина.

– Это был крик лисицы или другого зверя, – ответил мой новый хозяин.

Затем он велел Китти снять с меня мокрую одежду и усадить к костру. Очередная чашка бульона укрепила тело и вернула сознание, когда группа викингов, разбуженных воем ветра и светом огромного костра, пошатываясь, прибрела по песчаному берегу. Отвечая на вопросы, Эгберт рассказал, что его сюда привело любопытство и он успел как раз вовремя, чтобы выудить меня, едва живого, из воды уходившего прилива.

– Хастингс Девичье Личико почти не пил, но ты-то надрался как следует, – заметил седой ярл Эгберту. – Почему же ты не оказался под скамьями вместе со всеми нами?

– Когда датчанин перепьет англичанина, король Осберт поцелует Рагнару ноги.

– Я полагаю, что он все равно это сделает, и очень скоро, – лениво заметил Хастингс.

Большинство ярлов были слишком пьяны, чтобы расслышать его, а Эгберт слишком умен, чтобы отвечать.

– Я бы охотно поцеловал задницу хорька, – пробормотал какой-то упившийся викинг.

Это вызвало дружный взрыв смеха, и ярлы пустились в пляс и принялись играть в кнарр-лейк.

Они были могучими воинами, размышлял я, обсыхая у костра. А я слаб и гол, как только что вылупившийся птенец. Но они уже не казались мне огромными словно горы.

Я был жив. Жизнь, едва не покинувшая меня, возвращалась. И я чувствовал первые слабые толчки крови в венах. Я повернул голову, чтобы взглянуть на Китти в отблесках костра, и подумал, что это самая великая ведьма из всех жриц Священной Роши.

Но возможно, это были лишь сны, каких прежде я не осмеливался видеть.

Двое рабов Эгберта принесли мне сухую одежду. Она была сильно поношена. Мне сказали, что я должен добраться до сарая рабов сам или спать на земле. С легким сердцем и страшной тяжестью в ногах, я двинулся в путь. Я заметил, что мой новый хозяин тайком переговорил с Китти, и знал, что она по-прежнему рядом со мной.

Глава II

Брат Рагнара

Утром управляющий Эгберта отправил меня чистить скот. И я провел целый день на скотном дворе, а затем он приказал мне вымыться с головы до ног и проводил меня в покои хозяина. Эта была необычная для нас – датчан – комната, выходившая в огромный зал, и с отдельным очагом, обнесённым каменной стеной и с надстроенной башенкой, которая называлась дымоходом. Никто из его нахлебников не захаживал к нему, и зал был заброшен, пуст и холоден. Но хозяин был одет так же роскошно, как и на вчерашнем пиру.

В тени стояла Китти, и с трудом верилось, что прошлой ночью я видел две узкие щелочки на ее желтом лице, блестящем от слез.

– В моем присутствии ты должен стоять на коленях и не вставать, пока я не прикажу тебе.

Хоть я и видел, как рабы делают это, я опустился на колени очень неуклюже. Китти не смогла удержаться и раздался ее смех, резкий, точно крик чайки. Я был рад, что никого из данов не было рядом. Они бы лопнули от смеха. Никогда не мог похвастаться, что видел коленапоклоненного норманна, неважно какого звания.

– Англичане просто невежественные пахари по сравнению с франками. Франки и в подметки не годятся римлянам. Но датчане – просто свиньи, – вызывающе обронил Эгберт.

– Хорошо бы уничтожить Англию, – процедил я, стиснув зубы.

– Это невежливо, но очень умно. Если бы ты пошутил так год назад, ты бы получил двадцать ударов. Но теперь я поступлю так, как поступил бы римлянин. Клянусь небом, я дам тебе еще одну попытку. По сравнению с нами, цивилизованными людьми, датчане – шелудивые псы.

Я почесал голову, поймал и раздавил вошь, а тем временем придумал ответ:

– В таком случае, было бы неплохо забраться в какую-нибудь кладовую и стащить окорок.

Китти завизжала от восторга, а Эгберт слабо улыбнулся:

– Интересно, кто же крал мясо у твоей матери, если ты и впрямь ублюдок, каковым я тебя считаю. Ты высок и довольно силен. Китти, что ты имела в виду, когда называла этого борова сыном ярла?

Китти затараторила шепотом:

– Господин, я впервые увидела его, когда работороговец в Дорстаде пришел в мою хибару и увел меня. В моей груди еще было молоко после недавно умершего ребенка. Но по тому, как он шумно сосал, уткнувшись в грудь, будто поросенок, я поняла, что его отец – великий вождь и любимец женщин.

– Хм. Это не доказательство. Как он был одет?

Взгляд Китти окаменел:

– Как я могу вспомнить? Ведь прошло столько времени. Но одежда была из отличной шерсти.

– Торговец не сказал, как он попал к нему?

– Ютский торговец получил его вместе с грузом в Шлезвиге. Кроме всякой всячины – рабы и дети, проданные родителями с равнины, где в том году был неурожай.

– Безусловно, он язычник, но что, кроме твоего сердца, может доказать его благородное происхождение?

– Он был толстым и хорошеньким и привык больно сосать грудь до того, как его привез в Шлезвиг датский торговец. Его корабль проделал долгое путешествие. У ребенка была срезана прядь волос, видно, на память.

– Любая кормилица могла сделать это.

– Датский торговец очень спешил отплыть, словно боялся преследования. Еще он купил новые паруса и снасти, в которых не нуждался. Он явно хотел изменить вид своего корабля. И если ребенка продали бедные родители с равнины, то почему никто из других детей не знал его? Вот доказательство того, что его принесли на корабль тайно.

– Ха, теперь я не сомневаюсь, что это – пропавший внук Карла Великого! – сказал Эгберт со смехом. – Который теперь пасет свиней на севере.

– Высокорожденный я, или нет, господин, но я – датчанин, – сказал я горячо и быстро.

– Датский или ирландский свинопас, ты – мой раб. Как это случилось, я и сам не очень понимаю, я не был таким трезвым, как хвастался перед этим дубоголовым. И мне бы очень хотелось узнать, почему Меера подстроила все так, чтобы отдать тебя Хастингсу. Китти, она любит Хастингса как сына, но позволит ли она ему расквитаться за утерянную красоту?

– Она любила что-то давным-давно, – ответила Китти.

– Это то, что она ищет по торговым городам от Готланда до Тулузы?

– Она ходит по кораблям Рагнара, торгуя для него. Часто серебряную статуэтку можно продать на вес золота. Она знает цену каждой вещи, которая продается и покупается, и в каком городе выгоднее это сделать. И если есть у алмаза малейший изъян, а мех соболя слишком блестит на солнце, то глуп тот торговец, что попытается скрыть недостаток. У Рагнара имущества больше, чем у Хоринга, и он может купить сколько угодно мечей, кораблей и людей.

Тем временем я тарашился на Китти, едва не разинув рот. В моем животе было пусто, и меня пробирала дрожь.

– Что с тобой, Оге? Ты выглядишь так, будто проглотил живую змею, – удивился Эгберт.

– Ты мой господин, и я должен говорить с тобой на одном языке. Кожа Китти отличается от нашей, и она молится другим богам. Мне уже приходилось слышать, как она рассказывает тайны своей госпожи.

– Ой, я сейчас умру от смеха! Раб в железном ошейнике, невесть от кого рожденный, читает нам проповедь похлеще какого-нибудь пикардийского епископа! Датчанин, как ты себя величаешь, это самое верное название грабителя, убийцы и насильника. И ты еще придираешься к болтовне какой-то служанки.

– Мы, даны, не предаем своих хозяев и слуг, я подумал, что следует сделать исключение для Рагнара и его сыновей, не прогневав наших рабов. – Затем я продолжил спокойнее: – И мы не убиваем мужчин и не насилуем женщин.

– Если вам платят хороший выкуп, – вставил Эгберт.

– Оге, Меера мне больше не госпожа, – воспользовавшись наступившей паузой, сказала Китти, – Эгберт сегодня купил меня.

– Ну что ж, я рад, – сказал я, утирая пот со лба.

– Этот рыжий варвар Рагнар думает иначе, – задумчиво заметил Эгберт. – Он сказал мне, что раз работорговец из Дорстада продал вас с Китти за сломанный моржовый клык, то он уступит вас за медвежью шкуру. Не сомневаюсь, что он был рад отделаться от вас. Теперь, Оге, если ты в порядке, я допрошу ее. Скажи, желтокожая, как хочет Рагнар распорядиться своим богатством?

– Соберет войско, ограбит Англию и приумножит его в десять раз.

– Еврейские, армянские и греческие купцы вместе взятые и в подметки не годятся одному датчанину. Англичанам нужна земля, и воля одного народа стоит воли другого. Я буду править Нортумбрией! Зачем говорить об этом с датским шутом и желтокожей ведьмой! Китти, Меера сообщает Рагнару все, о чем узнает?

– Моряки говорят, будто она покупает что-то, что нельзя положить в сундук. Но цена не велика, и Рагнар ей не запрещает.

– Что же это? Сплетни?

– Людская молва, рыночные слухи и тайны конунгов. Она платит серебром за новости о неурожае в Аквитании, о громадном улове сельди у Фризского побережья или о любовнике невесты какого-нибудь принца при христианском дворе. Много или мало она рассказывает Рагнару, я не знаю. Но мне известно, что она славится своей осведомленностью и управляет всем в доме Рагнара.

– Я уже окупил свою медвежью шкуру. Тебя, Оге, я выудил как леща, но ты можешь принести мне прибыль еще до того, как я получу трон. – И он громко захохотал.

– Ловля лещей всегда была выгодной, – сказал я ему.

– Предупреждаю, если англичанин будет говорить со своим королем так же прямо, как датский раб со своим господином, то его могут убить – я-то уж знаю. Я дал волю твоему языку, но не ради твоей грубой откровенности и жестоких насмешек, и даже не ради того, чтобы увидеть испуг на лице Хастингса, а ради собственной выгоды. Ты знаешь толк в соколиной охоте, и я назначаю тебя сокольничим, а если будешь зазнаваться, то опять вернешься в хлев.

Да, имей в виду, я не уверен, что ты не нищенское отродье. Но довольно болтать. Тебе еще далеко до воина, хоть ты призывал бога Войны, которого, – Эгберт быстро перекрестился, – мы, христиане, называем дьяволом.

Затем он заставил меня вновь встать на колени и взял мои руки в свои. Так англичане клянутся в верности. Если бы он приказал мне поцеловать его босую ногу, пахнущую ничуть не лучше, чем у пахаря, то я, без сомнения, сделал бы и это, потому что иначе я бы попал к Хастингсу.

Затем я приступил к своим обязанностям, и для меня началась новая жизнь.

У Эгберта было право охотиться на большой территории, граничащей с землями Рагнара, и достаточно места, чтобы натаскивать соколов. И более чем достаточно возможностей для состязания в остроумии за столом.

После моей клятвы Эгберт никогда не разговаривал со мной по-датски. Вместо этого он использовал наречие Нортумбрии, поясняя его знаками, а если я чего-нибудь не понимал, то добрыми пинками и затрещинами.

Сперва его речь была понятной не более, чем бляенье овцы. И только после нескольких болезненных уроков я обнаружил, что больше половины слов очень похожи на наши, только произносились по-другому. Гадание над смыслом непонятных слов превратилось из тяжелого труда в забаву. И через полгода я мог разговаривать с ним не хуже, чем с Китти по-лапландски, чему я научился еще в детстве.

Другие рабы с удивлением прислушивались к нашему разговору: я говорил им, что мы беседуем по-латыни.

Когда я поблагодарил его за науку, он хлопнул меня плашмя мечом: «Если все мои труды пропали даром, то я глупец, но все же надеюсь, что они окупятся. Это может пригодиться, если я возьму тебя в Нортумбрию. Там соколы, собаки и скот понимают лишь по-английски».

Тем временем я кое-что узнал о ветрах и течениях. Чтобы найти хорошие места для охоты на побережье и вблизи соленых ручьев я сэкономил время и силы, исследуя местность на лодке. Сперва это был одновесельный холкер, и я со своими птицами ходил скорее на торговца дичью. Затем Эгберт выделил мне лодку побольше – с парусами, и Китти была моим помощником. Эгберт не знал, как иначе использовать эту посудину, которую он назвал «Жене-вьева» в честь христианской святой. Я же называл ее «Игрушкой Одина». Но он не разрешил бы нам взять ее, если бы узнал, как Один играет с ней на пастбище морских коней.

На самом деле мы рисковали перевернуться, отправляясь в море. Она была шестивесельной и вмещала двенадцать человек. Поэтому мы с Китти могли управлять ей лишь при попутном ветре, а он нам удивительно благоприятствовал.

Если мы не могли добраться до устья ручья до начала шторма, нас относило в какую-нибудь бухту на острове, и мы оставались там. Мы натягивали парус над палубой и, когда на огне жарился жирный береговой гусь, а нам было тепло и сухо, чувствовали себя не хуже, чем на обеде у Эгберта.

Частенько мы возвращались после пятидневной отлучки, дрожа от ужаса перед гневом Эгберта. Однако он всегда равнодушно относился к таким поездкам.

Как он нам и приказывал, мы не выходили за пределы голубых прибрежных вод и нас могли видеть с лодок, спящих между поселениями, так что мы были не так одиноки, как в лесной чаще. Корабли виднелись со всех сторон и уплывали неведомо куда. Китти родилась на побережье Ледового моря и оттого не выносила темного цвета, поэтому я обычно доверял ей управление лодкой, а сам стоял на носу. Мое тело и ум охотника привыкли не нарушать тишину.

Мое тело окрепло, а чувства обострились. Я научился незаметно подкрадываться к любой дичи на какой угодно местности. Если дичь была слишком велика для ястребов Эгберта, то даже матерый олень не чувствовал себя в безопасности от моего Тисового Сокола с его длинными когтями – моим луком и стрелами.

Как они у меня оказались? По правде сказать, длинный тисовый лук, великолепно сработанный английским умельцем, висел в зале Эгберта. Но нам, рабам, было запрещено трогать его под страхом смерти. Это не помешало мне измерить его взглядом и запомнить форму до мелочей, и в глухой чаще я сделал такой же. Мои стрелы из ясеня я снабдил орлиными перьями и железными наконечниками. И после тысячи промахов по разным мишеням первая стрела, пролившая настоящую кровь, пропела победную песню.

У моего Тисового Сокола был приятель – Железный Орел. Его клюв длиною в фут, был остр, словно клык змея, и блестел, как серебро. Никто не узнал бы в нем грязный ржавый наконечник копья, когда-то найденный мною в лесу. Стрелы, правда, летели дальше, чем копье, но оно могло ударить стремительнее рыси. После тысячи тренировочных бросков оно вонзилось точно в сердце чернобокого лося.

Была середина зимы, и, когда я освежал его и повесил мясо на дерево, у меня появилась собственная кладовая. Китти и я с тех пор были сыты, потому что мой Тисовый Сокол и Железный Орел не отлынивали от работы. Одного лишь обладания оружием было достаточно, чтобы повесить меня, а за убийство оленей или лосей у меня вырвали бы внутренности. Но я не думал об этом, радуясь тому, что обрел жизнь вместо смерти. Кроме того, я частенько утаивал от Эгберта добычу, подбитую его ястребами.

Мне было всего двадцать лет, и я еще не омывал руки в волчьей крови. Демон тьмы не подходит близко к человеку и редко являет ему свой ужасный лик в надежде выманить человека из круга костра. Из медведей мне удалось убить лишь медвежонка в жаркий летний день.

А вот первого матерого медведя я повалил в преддверии зимы, когда большинство его сородичей нашли уже пристанище на зиму.

Наверное, он теперь принимал лесной сумрак за сон, предвещающий смерть. И я нашел его следы, ведущие к пещерам в холмах. Я уже знал, на что способен шатун. Он двигался, прокладывая путь сквозь сугробы. За ним тянулась глубокая борозда, я скользил через это белое море на лыжах, похожих на маленькие корабли с высокими носами.

И вскоре я подобрался на расстояние выстрела к его огромной чудовищной туше. Он шествовал среди белого безмолвия величаво, словно бог. Мое сердце зашло от радости, ибо я думал, что он в моих руках. Преследуя шатуна по оголенному ветром склону холма, я кружил вокруг него, как волк вокруг загнанного оленя, и всаживал в него стрелу за стрелой и уворачивался от его яростных бросков.

Медвежий рев разбудил лес. И снег срывался с деревьев, и в конце концов среди белого моря появился красный остров. И тогда медведь бросился на меня.

И я увидел его морду и словно окаменел: лед и пламя пронзили мое сердце. Он недавно потерял глаз в какой-то схватке, и это делало его еще ужаснее. Я подумал об Одине, который бродит по миру в образе одноглазого человека в длинном сером плаще.

Никогда я не был в таком молчаливом лесу, и таком высоком. Здесь росли сосны с яркой длинной хвоей. Их ветви сгибались под тяжестью снега. Меня осенило, что это одна из Рош Одина, и возможно, я был первым человеком, посетившим ее, и моя встреча с этим медведем была предначертана судьбой. И вдруг я придумал для него имя – Брат Рагнара. Он был темен, как Рагнар, и его космы, даром их было в сотни раз больше, напоминали гриву Рагнара. Он стоял, согнувшись и вытянув лапы.

И я вспомнил Рагнара, стоявшего так же, когда он приказал бросить меня в тот заливчик.

Я отступил в тень, зверь постоял, глядя на меня, опустил на четыре лапы и продолжил свой путь в пещеру на плоском гребне холма. Он будет спать там до тех пор, пока его не разбудят крики лебединых стай, возвращающихся по весне домой.

Тогда и я повернул домой и, войдя в дом Эгберта, попросил позволения поговорить с ним.

Он в это время рисовал картинку на пергаменте, что мне уже не раз доводилось видеть. Это было изображение не человека и не животного, понятное любому, а чередующиеся прямые и волнистые линии. Позднее он призовет своего управляющего англичанина Генри, и они примутся рассматривать и чесать затылки. Как я понял по их разговору, такие знаки стояли в Нортумбрии на дорогах, мостах и в городах. Когда я опустился на колени, он как раз грунтовал пергамент.

– Встань, – сказал он ворчливо.

Я поднялся на ноги одним прыжком.

– Англ может встать на колени изящно, – продолжил он, – но если это делает датчанин, он похож на чурбан. Ну да ладно. Я вижу, ты стал тяжелее фунтов на пятнадцать. Что же ты ешь, приятель? Не иначе, что-то еще, кроме той пищи, что получаешь здесь. Смотри! Я уже отдал за тебя шкуру медведя и не хочу платить еще и за веревку, на которой тебя повесят за то, что ты бьешь дичь. Я об этом не должен знать.

– И не узнаешь, господин.

– Так чего же ты хочешь? Говори, но покороче, у меня не так много времени.

– Ты можешь добыть медвежью шкуру побольше, чем та, которую ты дал за Китти. Я думаю, тебе захочется возместить потери.

И я рассказал ему о Брате Рагнара. Конечно, я не говорил ни об имени, ни о размерах матерого зверя, но охотничий азарт охватил Эгберта, и он твердо решил выйти на охоту завтра же.

– Ты можешь попытаться выманить его, а затем утыкать его боевыми стрелами с сотни шагов, – сказал я, – но было бы куда лучше, если бы трое-четверо охотников взяли его рога-тинами.

– И впрямь, так будет лучше. Мы не возьмем собак, чтобы они не подняли его раньше времени. Генри это как раз подойдет. Еще пару вольноотпущенников...

– У меня нет сомнений, что Рагнар и его сын Хастингс Девичье Личико захотели бы принять участие в этой игре.

– Но я бы не хотел этого. Я и не подозревал, что тебе нравится их компания.

– Я хочу увидеть, как твое мастерство посрамит их. Но у меня были и другие надежды.

В предвкушении завтрашней забавы он был добрее, чем обычно:

– А как велик медведь?

– Даже издали было видно, что он средних размеров, но с отличным мехом.

Мне было трудно лгать ему, и потому я выпалил это единым духом.

– Тогда я отправлю к Рагнару трелля сейчас же.

– Господин, позволь мне нести еще одно копьё для тебя на всякий случай.

– Можешь взять и рогатину, а когда придем на место, воткнешь ее в снег где-нибудь на виду. Но я не возражаю, если и ты захочешь принять участие в схватке. Можешь взять кистень или секиру.

Мы отправились утром. Я показывал дорогу, старательно пряча гордость, не присущую рабу. На плече я нес копьё, и оно лежало, словно мотыга.

Рагнар верховодил, а я внимательно следил за его ногами. К моему величайшему удовольствию, оказалось, что на лыжах он беспомощен как ребенок. Все его движения были сильны и резки, тогда как лыжи требуют мягкости и едва ли не нежности, словно невинные девушки при первых любовных объятиях. Правда, о последних я знал меньше, чем о лыжах.

Над тем, как ходил на лыжах Рагнар, долго посмеивались вольноотпущенники, про себя, разумеется. Эгберт владел этой наукой не лучше. Они с Рагнаром составили отличную пару. Ведь Эгберт у себя на родине и в глаза не видывал никаких лыж.

Зато Хастингс скользил на лыжах не хуже, чем скользят утки по водной глади.

– В первый раз за долгое время мы охотимся вместе, – заметил Хастингс, обращаясь ко мне.

Голос его был все так же тих. На мгновение я пожалел, что мне уже никогда не найти Стрелы Одина, замерзающей на дереве. Но теперь я был должен быть дважды рабом – душой и телом. В глазах – лишь пустота, мысли настолько скудны, что не родится и мечта о свободе, подобно тому, как слепой от рождения не ведает о сиянии солнца.

Затем мое сердце наполнилось горячей благодарностью Судьбе. Если бы я попытался свернуть сегодня с этой тропинки, она бы удержала меня за руку, ибо в этот день была за меня.

Затем Хастингс улыбнулся мне в лицо. Так как один из когтей Стрелы Одина впился ему в уголок губы и оставил бесформенный шрам, улыбка вышла отвратительной. У меня сложилось странное ощущение, что своей улыбкой Хастингс хотел показать, каким он стал уродом, – так некоторые шуты строят безобразные рожи. Я понимал, что он запугивает меня, но я испытывал странный страх: я не мог полностью расслышать шепот Судьбы, и я знал лишь, что душа Хастингса изменилась вместе с лицом.

– Я горжусь оказанной мне честью и тем, что ты помнишь тот случай. – Мой язык произнес ответ раньше, чем я опомнился.

– Что делать рабу с честью? Хотя на твоём месте я возблагодарил бы Тора.

– За что?

– За то, что твой хозяин тебя защищает.

На это нечего было ответить. И в душе мне было стыдно.

Мы прошли сквозь лесную чащобу как призраки. Когда мы карабкались по обнаженному склону холмов, солнце спряталось в низкие облака, и его тусклый свет отражался от снега как лунный.

Я был рад этому, поскольку охотников вряд ли обрадует вид одноглазой морды медведя, а в таком сумраке разглядеть что-либо трудновато.

Мы подобралась к самой берлоге. Длинная снежная борозда тянулась ко входу. Глаза Рагнара загорелись подобно самоцветам.

– Хозяин, когда медведь вылезет, он наверняка рванет в ольховник. – Я сказал это Эгберту достаточно громко, чтобы услышал Рагнар.

– Тогда мы застрелим его из луков отсюда, у меня есть в Англии кое-какие дела.

У Рагнара в Англии также были дела, правда, требующие кровопролития. Но это не оставило его. И он подобрался еще ближе, причем так же неуклюже, как и шел до этого. Вторым в

цепочке крался Генри, за ним – Эгберт и последним – Хастингс. Я знал, что он был самый беспощадный из них, и, пожалуй, самый бесстрашный. И я пожелал, чтобы Стрела Одина направила свой клюв в его холодное сердце.

Но задуманное мной зависело от Рагнара. Если бы он был убит, как я того хотел, то кошмарные воспоминания о смертельном холоде в зловонной луже оставили бы меня. Я назвал медведя Братом Рагнара, и судьба его была известна лишь норнам, и для Рагнара было бы лучше не приближаться к зверю. Южане не понимают знаков судьбы и силы кровной мести. Как может найти покой призрак, помнящий смертельный удар, нанесенный брату или братом? Я свел сегодня в схватке здорового человека и могучего медведя, и боги знали про их родство.

Чего не ведали Рагнар и другие охотники, так это то, что зверь одноглазый, и не заметит опасности, приближающейся с незрячей стороны, а если ветер будет дуть в сторону охотников, то он вообще не узнает о них.

Рагнар, Эгберт и Генри стояли с натянутыми луками, рогатины они воткнули в снег, – все ждали своего часа. Хастингс тоже ждал, но с опущенным луком.

– Крикни ему, Рагнар, – воскликнул Эгберт. – Твой голос разбудит его смерть.

Не думаю, что зверь спал. У него была слишком долгая ночь. Не сомневаюсь, что он вскочил, услышав голос Рагнара:

– Эй ты, выходи...

Хёвдинг не успел договорить. Прямо на него из норы вышел его «брат» – огромное медведя я не видел. В тусклом свете он казался черным, а зубы его белели ярче снега. Это было ужасное зрелище. Четыре жаждущих крови стрелы полетели в зверя. Но стрела Эгберта ушла в сторону. Промажнулся и Генри, и лишь стрелы Рагнара и Хастингса достигли цели. Одна прошла бедро до кости, а вторая вонзилась чудовищу в бок, пробив мохнатую шкуру. Хастингс поднял лук, прицелился и спустил тетиву таким плавным и красивым движением, полным силы и легкости одновременно, точно прыжок волка.

Я следил за ним лишь краем глаза: я запрещал себе долго смотреть на Хастингса.

Здоровенный и сильный медведь учуял мой запах и повернул массивную голову в мою сторону. У всех медведей по два глаза, а у Брата Рагнара был только один, и я старался помочь ему найти нас. В это время стрела Хастингса уже вовсю пила его кровь, и зверь взревел, словно огромный волшебный рог. Теперь он должен был убить. Никогда ему уже не положить голову на лапы, засыпая на зиму, клыкам его не расколоть мозговых костей, а когтям не провести кровавых борозд на трепещущей плоти. Он устремился прямо ко мне сквозь снежную пелену, словно сумасшедший убийца.

Снег здесь был не так глубок, как в долине. Брат Рагнара шел убивать, склонив морду, он бросился вперед из снежного облака. Он несся на меня, словно снежная лавина. Я помчался на лыжах вниз. Никогда еще мои снежные змеи не несли меня с такой быстротой. Это зрелище заставило Рагнара расхохотаться. Я не слышал смеха, но прекрасно видел, как хёвдинг трясся, едва удерживаясь на ногах.

Но вот Рагнар перестал смеяться. Я поднялся на гребень холма и помчался по направлению к нему. Что же ты не смеешься, Рагнар? Что же ты закрыл рот и стиснул зубы? Что же ты престал трястись и тянешься за копьём? Разве ты не знал, что я приведу твоего брата к тебе, чтобы он прижал тебя к сердцу? Я-то ускользну от него, как птица с обрыва, а ты покатишься вниз, в снег, в жарких и тесных объятиях.

Так я с удовольствием представлял себе. Но я просчитался. Я умел заставить соколов лететь, куда нужно, но боги отказали мне в умении указывать путь медведям. Я привел его к Рагнару слепой стороной. Что толку, что стрела Эгберта глубоко вонзилась в его бок? Он жил теперь, лишь чтобы убивать. Но он не мог видеть ни Рагнара, ни Эгберта.

Его могучий прыжок был ужасен. Целый фонтан крови взлетел из его бока, когти взрывали снег, огромные мускулы перекачивались под мехом. Игра черного, коричневого и крас-

ного цветов мутила разум. Расстояние между зверем и Эгбертом сокращалось. Потом я увидел, как огромная туша устремилась к англичанину, и в тот же миг, словно в полусне, моя рука сама собой дернулась, и копьё, словно нападающий сокол, устремилось вперед. Оно с размаху вонзилось в живот чудовищу, медведь рванулся, древко вылетело из моих рук и повисло, точно весло в бортовом люке драккара, когда погибает гребец.

Брат Рагнара, оправдывая свое имя, встал на дыбы и попытался избавиться от копьё. В этот момент просвистела рогатина Рагнара, и медведь продолжил танец смерти на залитом кровью снегу. Тут подоспел Генри и нанес зверю новую рану. И струя крови напомнила Рагнару мраморный фонтан, который он видел при каком-то дворце в Миклагарде. Но только вместо прозрачной воды текла ярко-алая кровь. Рагнар засмеялся, глядя на бьющегося в агонии гиганта. Но я молчал, не смея потешаться над умирающим бойцом. Возможно, я не мог забыть, что Рагнар и его сладкоголосый сын все еще живы.

Медведь приподнялся, застонал и испустил дух. Мы застыли неподвижно, как и он, пока мягкий, словно впадающий в горное озеро, ручеек, голос Хастингса Девичье Личико не прервал молчания:

– Когда Оге был рабом моего отца, он урывал время от работы, чтобы возиться с соколом. Теперь же, будучи рабом Эгберта, он смог оторвать время от натаскивания соколов и научиться владеть копьём.

Эгберт ответил не сразу, и слова его зазвенели над телом Брата Рагнара:

– Вообще-то, ты прав, но кое в чем ошибаешься.

– Буду благодарен, если ты поправишь меня.

– Оге больше мне не раб. В тот миг, когда он ударил медведя, я освободил его.

Рагнар вытаращил глаза так, будто хотел увидеть всю Норвегию. Колени мои подогнулись, и все закружилось перед глазами.

– Что ж, я рад слышать это, – заключил Хастингс Девичье Личико. – Теперь, Оге, у тебя будет столько славы, сколько добудешь. Конечно, кое-что ты потеряешь, ты знаешь, о чем я говорю.

– Я помню об этом, Хастингс.

– Почему ты не называешь меня полным именем?

– Настоящий викинг не станет хвастаться прозвищем, ведь так?

– Клянусь моим богом Девяти Рун, я рад, что ты свободен, Оге.

Глава III

Призыв к Одину

Вскоре Эгберт вызвал меня к очагу в своей личной комнате. Я преклонил перед ним колени, как меня учили, и он не остановил меня, потому что теперь я был вольноотпущенником. И тут он, к моему недоумению, больно ударил меня по лицу палкой.

– Чем я заслужил это, Эгберт из Нортумбрии? – спросил я.

– Ты же спас меня от медведя, – подмигнул он мне.

– Я не могу разгадать твою загадку, – но в душе я успокоился.

– Это потому, что ты не знаешь латыни. Я тоже, разумеется, но мне рассказывали, что у них был закон, старый как Рим: когда раба освобождали, его ударяли по лицу. Таков был обряд. Мы, христиане, часто пользуемся латинским правом. Легионеры Рима ушли с нашей земли пятьсот лет назад, но мы до сих пор пользуемся их дорогами и обычаями. Ты будешь вставать передо мной на колени, пока ешь мой хлеб. Так мы поступаем в Нортумбрии, и не станем брать пример с тупых данов.

– Думаю, это все же вероятнее, чем то, что мы будем учиться у вас.

– Король Артур говорил, что женитьба и казнь назначаются Судьбой. Но его придворный шут заорал, что для полного счастья нужны двое казненных и один, оставшийся в живых. Королева подмигнула Ланселоту, и ее служанки хохотали до упаду. Я говорю это к тому, что если тебя не вздернут за твой язык, то ты не умрешь холостым. Теперь давай поговорим о соколах и псах, так что слушай внимательно. Лучшие ястребы – те, что выросли на свободе, а лучшие псы – выросшие в неволе. Самую прекрасную гончую, с которой я охотился, вырастил презренный простолудин.

– Я внимательно слушаю тебя, господин.

– Никогда не видел, чтобы копыта метали быстрее и точнее. А еще я слышал, как Хастингс Девичье Личико пытался насмеяться над тобой и как ты ему достойно ответил. Я начинаю думать, что ты мог бы отлично служить и мне и себе. Чтобы получить ответ нужно задать вопрос. Теперь ты знаешь, что твоя страна – лишь малая часть большого мира. Может, тебе известно, что Карл Великий заслужил свое прозвище, когда люди и не ведали о норманнах, живших тогда у своих скованных льдом морей, среди медведей, за густыми лесами. Но норманнов становилось все больше и больше, и все труднее им было прокормиться, у каждого землевладельца было полно сыновей от жен, наложниц и рабынь. И вскоре христиане, на своей горе, узнали, кто такие норманны. Как, Оге, это произошло?

– Мы приплывали на драккарах и грабили христианские берега, и увозили червонное золото, светлое серебро и сверкающие камни.

– А ты знаешь, как молятся, блея от страха, священники и люди: «От ярости норманнов спаси нас, Боже!». А в последнее время они не только грабят, жгут и уплывают назад, на Север. Олав Белый правит всей Ирландией, а его жена произносит языческие прорицания, сидя в кресле архиепископа. Норманны захватили Оркнейские и Гибридские острова, а поскольку кровь Карла Великого не так густа в жилах нынешних правителей, то норманны стали зимними лагерями на Эльбе, Луаре и Сене, и даже осмелились напасть на Париж. Они ограбили и сожгли Лондон и растворились в тумане Темзы. Вот уже несколько лет они не тревожат Англию, но если мы заглянем в мысли любого викинга, какое намерение мы обнаружим?

– Не намерение, Эгберт, а твердое решение завоевать Англию.

– Само собой, собрать огромную армию и неисчислимый флот. И конечно, они будут грабить монастыри и дворцы и красть красавиц, но это в счет не идет. Но только дикарь Рагнар и ему подобные вернуться к своим проклятым снегам. Половина, а то и больше оседет там, построят крепости, обратят людей в рабство и примутся распахивать плодородную землю. В

этих условиях, Оге, – и Эгберт поглядел на меня, словно лис, – я подыщу тебе подходящее местечко.

Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди.

– Господин, я не могу быть среди воинов, если я сам не воин.

– Что же тебя удерживает?

– Бог Войны не выбрал меня.

– Ты можешь голосовать за Восточный Союз, но не пить за него.

– Я никогда не буду ни пить за Рагнара, ни служить ему.

– А разве он единственный хёвдинг? И ты ведь можешь плавать и на торговых судах.

Однако у меня есть план получше. Но прежде чем поведать его тебе, я кое-что спрошу. Ты слышал что-нибудь о Эгберте, короле Западных Саксов?

– Он отвадил норманнов от своих берегов и умер до моего рождения.

– Он был моим сеньором и качал меня в колыбели. Он завещал мне корону Нортумбрии, родины моей матери. Но Осберт, принц Нортумбрийский, завладел престолом и изгнал меня. Теперь выскочка Аэла покушается на него. Запомни это имя хорошенько. Аэла Йоркский. Ты не раз еще услышишь о нем. Я прожил у Рагнара семь лет, и вот пришла пора возвращаться.

И я подумал, что Эгберт неплохо бы смотрелся на украшенном камнями троне, в короне из червонного золота. Ему было не более тридцати – самый расцвет сил. По правде говоря, он был привлекательнее любого дана, не считая Хастингса, до того как он получил свое прозвище, и мало кто мог сравниться с ним в искусстве верховой езды. Но картина была бы неполной, если бы за его троном не стоял вооруженный до зубов здоровяк, командующий его воинами.

– Ты расскажешь мне о своих планах, Эгберт?

– Да, поскольку ты мне нужен в этом предприятии. Ты знаешь наш язык и сможешь обвести вокруг пальца и английского дана, и датского хёвдинга. А это уже само по себе большая удача, потому как любой из них сперва замахнется топором, и лишь потом протянет руку. Ты будешь говорить им то, что я скажу и склонишь их к дружбе со мной. А так как ты ненавидишь Рагнара всей душой, ты поквитаешься с ним к нашей общей выгоде.

– Ты хочешь, чтобы Рагнар погиб? – спросил я.

– Нет, только он один способен возглавить войско данов, но после высадки и захвата земли он вернется домой или отправится еще куда-нибудь. Ведь он не сможет усидеть спокойно, и тогда пробьет мой час.

– Он смирится с тем, что ты станешь королем Нортумбрии?

– Он предложит корону одному из своих сыновей, скорее всего, Ивару Бескостному. Но наши даны возненавидят его, как и Рагнара, и мы повесим его.

Эгберт говорил со мной долго и откровенно, я о таком и не мечтал. Осушив чашу рейнского вина, он не очень следил за своим языком, а я запоминал все, что могло мне пригодиться.

– Почему даны Нортумбрии так ненавидят Рагнара?

– Примерно двадцать лет назад, когда его волосы еще не были седыми, он привел тринадцать кораблей в залив Хамбер. Он захватил много драгоценностей, но было кое-что и подороже. Я имею в виду леди Энит, жену эрла и мать Аэлы, которому тогда было всего три года. Он схватил ее у городской стены и унес в свою палатку, а утром отпустил. Старый эрл и Аэла, вся знать и простой люд ненавидят Рагнара сильнее, чем Сатану.

Это была обычная история.

– Рагнар убьет их обоих, когда захватит Нортумбрию.

– Я избавлюсь от них его руками.

– Но ты же не можешь одновременно быть и дичью, и охотником.

– Если Рагнар не будет грабить Нортумбрию, я помогу ему получить всю Англию. Ему достанутся южная часть земель пиктов и восточные склоны Уэльских холмов. Я покажу ему лучшие порты и плодородные земли, броды, крепости и дороги, какой город брать штурмом, а

какой – измором. Я могу уговорить многих данов бросать золото вместо копий. Поверь, такой поход опаснее, чем представляют себе викинги. Но Рагнар предпримет его в этом или в следующем году, и я должен ковать железо, пока горячо.

Среди людей Эгберта был вольноотпущенник свей, по имени Гудред. Когда посерело черное ночное небо, он отправился в лес, взяв с собой сорок рабов, двенадцать воловьих упряжек и шесть длинных саней. Хотя мне и не было приказано, я шел впереди, указывая путь к ближайшему могучему дубу с высоким прямым стволом. Его срубили железными топорами, и он упал, словно молот Тора на железную гору, с грохотом, перебудившим всю округу и распугавшим ночных хищников. После того как мы обрубали верхушку и сучья, и ободрали кору, длина его составила шестьдесят футов. Мы взгромоздили его на сани, связанные цепью, и покорные волны повлекли исполина домой. И вот, день за днем, стал расти длинный корабль.

Словно ребра к позвоночнику мы крепили шпангоуты и покрывали их досками внахлест. Под килем был специальный брус, предохраняющий его при волоке.

А с обоих концов вздымались высокие штевни – на носу в виде головы дракона с торчащим острым языком и клыками, а на корме – в виде хвоста чудовища.

Все сооружение было больше кита, в бортах были прорезаны отверстия для восемнадцати пар весел – дважды девять – магическое число.

На палубе высились опоры, чтобы устроить навес для гребцов в случае непогоды.

Несколько десятков воинов могли повесить щиты на борта. Щиты были защищены от сырости чехлами из промасленной кожи. На эти чехлы пошли шкуры полсотни коров.

Венчал корабль большой красный квадратный парус. Дыхание Одина наполняло его, и викингов радовало это зрелище, как округлившийся живот впервые беременной жены радует мужа. Когда парус развернулся на мачте, тридцать шесть ног дракона смогли отдохнуть.

Но у корабля не было души, и он оставался мертвым до дня летнего солнцеворота, когда мореходы Рагнара собрались в его усадьбе. С полными трюмами проплывали они по лебединой дороге и голубая вода залива пестрела красными и белыми парусами, словно мантия короля – драгоценными рубинами и жемчугами. Среди них были старые морские волки, которые грабили Антверпен тридцать лет назад и их рослые безбородые внуки, ни разу еще не ходившие этой дорогой.

Они прибыли воздать почести богине плодородия, которая посетила наш берег в образе пышнотелой красавицы, выбранной из дочерей местных жителей. Ее лодка в виде лебедя, с рабами за веслами, отплыла от берега на полполета стрелы, и после того как посвященного Фрейе раба бросили в море, мы устроили большой пир.

Я не посрамил на воинских играх ни себя, ни Эгберта, и многие хёвдинги похлопывали меня по плечу в знак того, что не прочь были бы видеть меня в своей дружине. И хоть я не пил ни за одного из них, но поднимал руки вместе с другими береговыми девственниками – молодежью от пятнадцати до двадцати зим от роду, которых еще ни разу не сбивали с ног волны открытого моря.

Потом все зашумели – подошло время испытания перед посвящением в воины. Викинги выстроились в две шеренги – кто с веслом, а кто – с лопатой, а подбежавшие девушки под шутки и хохот стащили, краснея, с нас штаны. Мы должны были на четвереньках бежать между шеренгами, а они – лупить нас так, чтобы наши зады стали пунцовыми, как у мартышек, которых, по рассказам, продают в Кордове. Даже Рагнар принял участие в этой забаве, изображая простого моряка, забыв о достоинстве вождя. Когда он втиснулся в шеренгу, раздвинув плечами двоих викингов, воины заорали от восторга. Я подумал, что он гораздо хитрее, чем все считают, если только, накачавшись эля, не стал добродушнее. Возможно, в тот раз он угрожал мне Красным Орлом, только чтобы напугать. Но если нет, и если это не эль Мееры бросился ему в голову, то скоро меня найдут мертвым на мусорной куче.

Честно говоря, оружие Рагнара было самым внушительным. Это была доска, широкая и толстая, и, скорее всего, он взял ее для смеха, а не для дела. В худшем случае – он хотел проверить, запросят ли у него пощады орлята, чья ярость и вера в него добывали хёвдингу богатство и славу.

Мы заняли место в начале узкого прохода между рядами воинов. Крики, смех и звучные шлепки возвестили о начале гонки. Многие слишком пьяные викинги промахивались, а другие били в пол силы, хохоча над нашими голыми задами. Уворачиваясь, делая обманные движения, а, главное, действуя быстро, я сумел пробежать треть пути, получив не более дюжины ударов. Передо мной замаячили коричневая борода и широкие плечи Рагнара. Его доска была слишком длинна в такой тесноте, и хотя он выглядел сущим берсерком, мне казалось, что он только развлекается. Ведь это была лишь забава, и я был уверен в этом. Мне и в голову не пришло спрятать лицо во время бега.

Я решил, что настало время для очередного рывка, и бросился вперед под одобрительные вопли воинов. И в тот момент я видел, что Рагнар что-то говорит своему соседу, держа доску на плече и даже не глядя в мою сторону.

Когда же я оказался ближе, то с ужасом увидел, что он резко отпрянул назад, а его соседи расступились, освобождая место. Я не успел даже стиснуть зубы, как страшный удар поверг меня на землю.

Боль была ужасна, но я ждал, что она сейчас пройдет. Однако Рагнар выпустил доску из рук, и она не упала на землю: в мое тело впился торчавший из нее шип, причинив муки, которые не могли и присниться. Я пытался вытащить острое, но не мог. Я понял, что жало, вонзившееся в мою плоть – это гарпун.

Викинги смешали ряды и столпились вокруг меня. С концов шеренг они бежали бегом. Смех каждого вновь прибывшего увеличивал общее веселье: они ревели, топали и прыгали, словно медведи, потешаясь над моими попытками освободиться. Я был одинок, как в кошмарном сне. Я не мог завести руки назад и выдернуть доску, и меня душил такой стыд, что душе хотелось расстаться с поруганным и осмеянным телом. Не было никакой возможности броситься на Рагнара к вящему удовольствию зрителей. И я изо всех сил сдерживал желание утопиться в море.

Я увидел Эгберта, прокладывавшего путь ко мне через толпу. Я не стал ждать его помощи, а изогнулся назад и изо всех сил стал толкать доску за края. Огромный шип вышел из меня, и когда хлынула кровь, взрывы смеха быстро стихли. Большинство смеющихся лиц приняли озадаченное выражение, а некоторые заблестели от выступившего пота.

– Рыба, которую ты выловил в моей мусорной яме, вновь попала на крючок, – сообщил Рагнар Эгберту в наступившей тишине.

– Да, но только она сорвалась и теперь плывет домой, – ответил Эгберт, беря меня за руку.

Я хранил молчание, если не считать хриплого дыхания, но в моей голове зрела мысль. Наконец она стала такой ясной, что пронизала все мое существо. За это, Эгберт, за этот небольшой отпор моим врагам – ты станешь королем Нортумбрии.

Я буду конунгом.

Так клялся я себе, лежа в темной хижине, после того, как прошел первый мучительный приступ болезни. Она не отпускала меня трое суток, и трое суток моя душа была разлучена с телом и путешествовала в стране снов, в десять раз более загадочных, чем обычные сны. Мне казалось, я уже нахожусь на берегу мертвых у врат в Хель, хотя умершие добираются туда за девять дней скитаний в непроницаемом мраке и обжигающем пламени. А еще девять дней потребуется некоторым на возвращение к жизни.

Когда моя душа наконец соединилась с телом, последнее тут же потянулось к чаше воды. Я почувствовал тепло от вынутого из печки горшка и чад. Почти сразу же вошла Китти, и ее желтое лицо засветилось в полумраке. Она улыбнулась, когда я заговорил с ней на ее языке и

пошла выполнять мою просьбу. Она вернулась с чашкой горячего молока, и мой живот принял его с радостью, и мускулы почувствовали первый прилив силы.

– Я сообщила людям, что у тебя началась чума, поэтому никто не приходит навещать тебя, – весело сказала она.

– Никто бы не пришел и так. Кому какое дело, жив я или нет? И почему тебя это волнует?

– Доить больше одной коровы одновременно и обсуждать сразу две вещи нельзя. Все люди Эгберта пришли бы тебя навестить, да и вся молодежь, что бежала тогда с тобой, тоже. Хоть они и смеялись, когда твой зад посадили на шип, но они видели, как ты вырвал его, ни разу не пикнув. Однако некоторые становятся болтливыми, как сороки, и от кружки пива, и я не хотела, чтобы они слышали твои слова.

– И что же я говорил?

– Что ты будто бы станешь конунгом и сделаешь Эгберта королем его страны, а Рагнара, да и Хастингса в придачу, скормишь воронам. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь услышал твою похвальбу. Трудно поверить в угрозы новоиспеченного вольноотпущенника, не нюхавшего, как следует, соленого морского ветра.

– Трудно поверить, но это не хвастовство. Тащи-ка сюда мясо, да побольше.

Она отсутствовала несколько минут и вернулась с толстым куском жареной лосятины, вырезанной из горба. Любой охотник, не задумываясь, рискнул бы жизнью, чтобы добыть такое.

– Где ты взяла это, Китти? – спросил я, насытившись, но продолжая с наслаждением жевать мясо.

– Я попросила Мееру оставить немного. На случай, если ты не умрешь.

– Тогда оно отравлено.

Я с сожалением выплюнул последний кусок. Китти издала птичью трель, заменяющую ей смех.

– Эта птичка упорхнула из силка. – Она сказала это совершенно спокойно.

– Меера не возражает против желания Рагнара вырезать мне Красного Орла. Она принесла ярлам столько пива и эля, что они уснули под лавками...

– Я думаю, ей просто интересно, чем это кончится. Но ни один игрок не будет ломать фигуры, пока игра не окончена. Теперь спи.

Когда она разбудила меня, из-под двери пробивалась полоска света. И я был голоден, словно не ел с самого рождения.

– Чем же я болен, если только это не яд и не сглаз?

– Думаю, ты застудил рану.

– А чем ты меня лечишь?

– Чем только можно горячим. Надеюсь, жар прогонит холод.

– Чем это так несет от очага?

– А, это старые кости оленя. Мы в Лапландии сжигаем все кости, ведь если их кидать волкам, они спокойно переживут зиму, и через год их станет вдвое больше. А люди думают, что так пахнет твое больное тело и держатся от хижины подальше.

– Что-то я не видел на празднике Хастингса Девичье Личико. Ты не знаешь, где он?

– Он уплыл на своем корабле «Огненный Дракон». И с ним был еще один драккар. Они уплыли, когда до Биллинга и Деллинга было одинаковое расстояние.

Биллинг и Деллинг – альвы заката и рассвета, которые встречают Солнце с красными факелами.

– Что он задумал? – Мне до всего было дело.

Китти сплюнула, чтобы в ее слова случайно не закралась ложь, и я понял, что этот рассказ стоит послушать.

– Меера отправилась в Шлезторп покупать ткань. По возвращении она рассказала Рагнару, что дочь одного христианского короля повезут на фризском корабле и уже назначен день и час. Короля зовут Родри. Страна, которой он правит, называется Уэльс. Это на западе Англии. Дочь зовут Моргана. Ее должны отвезти в Йорк, столицу Нортумбрии, и выдать замуж за принца Аэлу. Ты это имя знаешь. С ней отец шлет богатое приданое. Меера сказала, что если Рагнар перекроет залив Хамбер до полнолуния, то легко выследит корабль под серым парусом, с десятью парами весел, и с лебедем на носу. Тогда он мог бы захватить сокровища, а если доставит Моргану в целости и сохранности к себе в усадьбу, то потом сможет получить за нее огромный выкуп у ее жениха или отца. Все это Меера поведала Рагнару. Но Рагнар еще раньше решил отплыть с тридцатью кораблями на Эльбу, и он ответил Меере, что не возьмется за это дело. А она настаивала, сердито и громко, и они поссорились. Наконец Рагнар так ударил ее, что вышиб зуб. Зуб она с достоинством убрала в шкатулку. Рагнар опомнился и сбавил тон, проворчав, что хоть и не поедет сам, но пошлет кого-нибудь из сыновей.

Само собой разумеется, он не доверит Моргану старшему сыну. Поэтому и послал Хастингса Девичье Личико.

Китти умолкла.

– Для такого дела лучше Хастингса никого не найти. Ради своей выгоды он способен пролежать рядом с девушкой, прекрасной, как Изольда, сто ночей подряд, не тронув ее и пальцем. И потом мне кажется, увидев его лицо, Моргана сама не захочет искушать.

– Ты говоришь и умно и глупо. Хастингс и впрямь умеет владеть собой, не то, что Рагнар или ты. Но неправда, будто девять шрамов заглушат женское желание искушать. Некоторые девушки и многие женщины хотели бы, чтобы у него их стало больше.

Мое сердце забилось быстрее, а лицо потемнело. Китти плюнула мне в глаза и заботливо растерла слюну.

– Правду своих уст я подарила твоим глазам, – сказал она.

Она вышла, а я стал размышлять над ее подарком. Причина отплытия Рагнара была ясна – преуменьшить богатства процветающего Гамбурга, так как расходы на завоевание Англии все росли. Что меня заинтересовало всерьез, так это то, что девушка, за которой охотился Хастингс, была невестой именно Аэлы, а не какого-нибудь другого принца. Вообще-то Меера, натравившая Хастингса, имела отношение к очень многим вещам.

Когда на следующее утро Китти принесла мне хлеб с мясом, я осматривал лук, стрелы и копье, несмотря на головокружение и слабость в ногах.

– Это неплохое оружие, – заметила она, – но я знаю и получше.

– Да, меч и секира. Скоро у меня появятся и они.

– Я имела в виду оружие Мееры: ум и хитрость. Думаю, ты умеешь пользоваться и тем и другим. Если они у тебя есть, тебе не нужны ни гребцы, ни воины.

– Ерунда. Лиса хитра, но честный волк и прямодушный медведь правят и лесом, и равниной! Однако, насколько я помню, Один – бог не только рун, но и войны. Когда я буду избран... – Что-то в лице Китти привлекло мое внимание. – Что ты скрываешь от меня?

– С чего ты взял? Мне нечего скрывать.

– Рассказывай, или я вытрясу из тебя все!

– Нет. Я уже подарила правду своего рта твоим глазам. Сегодня корабль Эгберта выходит в море. Он христианин, и для него это всего лишь охота на моржей и испытание парусов. Но Гудред Кормщик знает, что корабль отправляется искать свою душу.

– Что же ты молчала! – И я зашарил в поисках обуви из тюленей шкуры.

– Эгберт отдал приказ только что, когда услышал, что сюда движется огромная льдина, черная от моржей. Но Гудред знает, что пока корабль – лишь дерево да шкуры. Он стремится покинуть чрево гавани, чтобы родился морской дракон. И Гудред не пропустит свои ветер и волну. Корабль хочет породниться с морем и, блестя чешуей щитов, уплыть вдаль вместе

со своими братьями, чтобы привозить домой богатство и пленниц. Гудред позволит ветрам играть с кораблем, он разрешит ему заигрывать со смертью.

Я понимал все это да и еще многое другое, но никогда не мог облечь свои чувства в слова, и холодный пот выступил у меня на лице от страха перед богами.

Китти продолжала, скрестив руки на груди, словно ей было больно:

– Это испытание для корабля, но также и для всей дружины. А ты еще слишком слаб после лихорадки. Она может вернуться, и ты отправишься к берегу мертвых, а все твои мечты умрут. И еще я знаю, что ты все равно уйдешь, и мне не удержать тебя.

Поверх шерстяной рубахи я одел куртку из тюленьей шкуры и туго перепоясался. Когда я взял в руки своего Тисового Сокола, тетива радостно зазвенела. Ведь Сокол знал, что вонзит свои железные когти в плоть длиннозубых морских животных. Когда я поднял Железного Орла, он вспыхнул в полумраке комнаты, будто отражая летнее солнце. И он знал, что скоро распорет воздух в полете. Что ж с того, что у меня не было меча Кровопийцы и щита Насмешника Над Вражескими Ударами и Скальда Воинских Кличей? Я заслужу их, когда Один станет моим богом.

– Не торопись, – прошептала Китти, – Эгберт не уйдет раньше отлива.

Это тоже была идея Гудреда. Я отлично это понимал. Эгберту было не ведомо, что корабль не сможет найти свою душу, если выйдет во время прилива.

– Ты можешь дать мне что-нибудь подкрепиться? – спросил я. Китти кивнула и вышла. Легко ступая, она вернулась с большой увесистой флягой, содержимое которой напоминало французское красное вино. Однако оно не было ни крепким, ни сладким. Это было не то вино, которое заставляет воинов задира друг друга, а девушек – плясать.

– Крепкий напиток, – сказал я, осушив флягу. – Кто поделился им со мной?

– Это подарок от мужа десяти жен и отца пятидесяти детей.

– Должно быть, у него порядочный рог.

– Это удачная шутка. И не одна девушка не сочтет ее непристойной. Ведь у оленей и впрямь не маленькие рога. Когда я держала чашу в одной руке, а другой перерезала ему горло, я желала тебе иметь такую же семью. А теперь пошли. Не волнуйся, Эгберт нам не откажет.

Этого и впрямь не следовало бояться. Любой хёвдинг почел бы за счастье иметь такого моряка.

Глядя с пристани на корабль, я заметил на нем человека, казавшегося великаном. Он производил такое впечатление своей осанкой, хотя на самом деле был не самым высоким и широкоплечим в команде. Это явно был кто-то из семьи Рагнара. На мгновение слабость и головокружение охватили меня.

– Ты не говорила, Китти, что Бьёрн Железнобокий отправляется в море.

– Нет.

– Я думал, он ушел с Рагнаром.

– Нет, у него какие-то дела далеко на Востоке. Он хочет развлечься и сплавать вместе с нами. Гудред будет командовать гребцами.

– Если ты умрешь на борту, нам придется бросить твое тело акулам, – приветствовал меня Гудред. – Плохая примета, если корабль привезет мертвеца из первого же похода.

– Лучше бросьте меня воронам на берегу.

Люди переглянулись. Вороны, пожиратели трупов, принадлежат Одину. А я принадлежал Тору. Бьёрн не подал вида, что слышит.

– Делай вид, что гребешь, но не налегай на весло, – прошептала Китти.

Наша дружина была поделена на две команды по сорок человек. В каждой было по тридцать шесть гребцов, два кормщика и два их помощника. Мы должны были менять друг друга, Гудред назначил меня в свою команду – в первую очередь. И мне было трудно выполнять наставление Китти и не впрягаться в полную силу вместе с товарищами, выводя корабль из

прибрежной пены. И все же я берег себя; соседние гребцы это поняли, однако никому не раскрыли мой обман.

Я побывал и на зеленой, и на синей воде вместе с юным кораблем. Никто из нас не был знаком с серыми водами за отмелями, которые окружают Линдеснес и текут дальше через весь мир. Я единственный на корабле впервые вышел в море, и мне казалось, что неопытность объединяет меня и корабль. Мы словно совершали свадебное путешествие на неизвестный остров.

Но кораблю предстоял лучший брак, если ему понравится новая жизнь и походы по лебединой дороге к христианским берегам.

Опустилась ночь, и мы передали весла нашим сменщикам. Поужинав хлебом и козым сыром, я повалился спать на палубу вместе с моими товарищами.

Тьма еще не совсем отступила, когда нас разбудили и дали солонину. И тут я во всей красе увидел то, что не дано увидеть сухопутному человеку: бархатную густую черноту восточного неба, растворяющуюся в столь же черном море пред самым наступлением рассвета. Мы наблюдали пробуждение утра.

Всплыло вверх величавое солнце, и море заблестело.

Весь день и всю ночь, и половину следующего дня корабль несли вперед тридцать шесть пар рук.

Но едва мы миновали Дальний Залив, как ветер с Северного моря посвежел и окреп, и за работу взялась мачта, а парус зашуршал и надулся, и мы втянули весла внутрь. Мы резво плыли навстречу сиянию воды, праздновавшей победу весеннего солнца над умирающим льдом. Чайки ныряли позади нас, и ширококрылые альбатросы летали над нами огромными кругами, неторопливые и безмятежные, как облака в летнем небе. Мы были в открытом море, но не серое было вокруг, а бесконечная синева.

Быстро же наш корабль, «Белая Дева», оставил отчий дом. Долго ждало Серое Море, наблюдая за ее прекрасными формами, с нетерпением ожидая момента, когда шняк попадет в его объятия. Странно, что Океан не поднялся со своего ложа, не схватил и не унес его. Это был час его торжества, и пойманная им «Белая Дева» лежала на его могучей груди.

Сперва она испугалась и, холодна и неподвижна, неохотно подчинялась его воле. Но потом отбросила свои страхи, чувства пробудились в ней, и теперь она задрожала в сладкой истоме и заплакала и застонала от ни с чем не сравнимого удовольствия.

Мы чувствовали холод ледяного поля и слышали его тяжелое дыхание. Туман сгущался и рассеивался над его многочисленными трещинами, то низко стелясь, то облачками уносясь прочь. Трещины постоянно меняли форму и между сталкивающимися и ломающимися льдинами выступала вода, бирюзовая на солнце, или белая, словно фонтан кита. С ледяного Севера двигался ледяной флот, неся на себе целую армию клыкастых моржей.

В этой черной массе спали сотни и сотни животных. Один зверь устроился на огромном айсберге, и никто из сородичей не решался нарушить границы его владений. Тысячи подняли головы и взревели, завидев нас, и гром сотряс воздух. Льдины сталкивались и наезжали друг на друга, когда здоровенные туши взволновали море, соскользнув в воду. Мы наблюдали, как черные тени двигались в глубине, иногда с шумом выныривая прямо перед носом корабля, словно желая присоединиться к нам.

Гудред, стоявший у рулевого весла, направил корабль в самую гущу. Мы, гребцы, согнули спины, и мокрые весла, двигаясь вверх и вперед, вспыхивали на солнце одно за другим так, что казалось, будто холодное золотое пламя бьется среди огромных черных туш.

Наш дракон стремительно неся, чтобы вступить в бой со зверями. И хотя мой Железный Орел был снабжен восьмидесятифутовой веревкой, я мало думал о том, как буду пользоваться им во время охоты, да и вообще особых надежд на это не питал. Вместе со своей

командой я должен был грести. Это не означало, что я не мог наблюдать за охотой. К тому же мне доставляла удовольствие слаженная работа команды, когда корабль исполнял малейшее желание Гудреда. Но тут в моем сердце зажглась надежда.

– Торхильд, возьми весло Оге, – закричал Гудред. – Оге, давай вперед.

Я быстро привязал конец веревки копыя к столбу и, когда мы подошли к льдине, мой Железный Орел со свистом понесся в громаду ревушего самца. Но я не принял во внимание вес веревки, и наконечник вонзился в лед. Едва я вытащил его обратно для следующего броска, как корабль получил звучный удар в борт. Я глянул вниз и увидел огромного седого моржа, бьющегося в воде с копьём Бьёрна в боку. От его ударов корабль содрогался от носа до кормы, и люди кричали от возбуждения.

– Мне подождать, пока ты загарпунишь его? – крикнул я Бьёрну.

– Нет, клянусь всеми богами, – заорал он. – Тащи другого, даже если они развалят корабль пополам.

И мой Железный Орел вновь взвился в воздух и на этот раз вонзился в плечо огромной моржихи. Веревка натянулась и закрипела, когда зверь попытался добраться до края льдины. Но его ласты скользили по льду, а рывок корабля опрокинул его и, потянув через льдину, сбросил в воду у борта, и высокий фонтан брызг окатил гребцов. Раздался взрыв громкого смеха, но тому была и вторая причина: падая, зверь сломал два весла, и обломок одного из них оглушил гребца, швырнув его на палубу.

Теперь корабль напоминал повозку, запряженную парой волов. Но они не тянули дружно, как вышколенная упряжка: моржи были гораздо менее послушны. Дерево гнулось и трещало, и я боялся, что звери вырвут опоры, к которым были привязаны загарпунившие их копыя. Иногда один из них резко нырял в глубину. Веревки были коротковаты, и мы боялись, что неистовство раненых животных перевернет корабль.

В последнем приступе ярости зверь Бьёрна атаковал корабль и попытался вонзить клыки в борт. Три крепких весла разлетелись в щепы, прежде чем Эгберт и еще несколько человек поразили его мечами.

Зверь Бьёрна быстро ослабел, и, видя, что морж теперь не уйдет, Бьёрн занялся другим.

Истекающее кровью животное гребцы подтянули к борту. Теперь оно не могло причинить никакого вреда. Тем временем Эгберт пускал стрелы в стадо, лежащее на соседней льдине, и один из моржей был уже мертв. Покончив с первым моржом, я воткнул копые в громадную самку, которая продолжала яростно атаковать корабль. И тут, наконец, Эгберт разбил ей голову секирой.

Битва продолжала бушевать. Бьёрн призывал Одина, гребцы торжествующе хохотали, а Эгберт выкрикивал имя Христа. Но вольноотпущенник еще не воин, и я страдал от невозможности взывать к богу Войны. А потому я метал копые и бился со зверями молча.

– Неплохо для человека, выросшего в железном ошейнике, – поздравил меня Бьёрн, когда все было кончено.

В трюме корабля лежало четыре десятка клыков и двадцать туш – четыре тонны мяса и жира.

Конечно, не сравнимо с тем, что викинги привозили из набегов, но все же мы были очень довольны, погружая весла в воду и направляя корабль к дому. Шняк двигался легко и ходко, и ветер дул с запада, и весь путь от Дальнего Залива до Гримстада мы прошли под парусом.

Китти говорила, что это слишком хорошо, чтобы продолжаться долго. Рождение корабля – совсем не обычная вещь. Превращение массы дерева и шкур в живую невесту моря требует пристального внимания богов. Возможно, ее ласковое покачивание, ее весело хлопающий парус и задорное кивание головы дракона указывали на то, что боги колдуют над ней, и боги же определяют ее судьбу.

Бухта Диких Гусей осталась позади, когда ветер стих. Его долгие вздохи прекратились, и мы слышали свои собственные звонкие голоса. Парус безвольно поник, его тугой живот сморщился. Бег корабля замедлился, и умирающие волны лениво плескались в борта.

Гудред внимательно посмотрел на небо, а потом на острова Диких Гусей, которые лежали перед нами, будто три зеленых яйца в голубом гнезде. Странно было видеть, как быстро надвигается берег, словно сильный ветер наполнял парус. Гудред открыл рот от удивления: ведь не было никакого ветра. Мы расхохотались, услышав его встревоженный крик: «Весла в воду!», словно мы могли врезаться в далекий берег. Затем мы изумленно переглянулись, тщетно пытаясь отвернуть от берега. Только после долгих усилий корабль развернулся к морю.

– Никогда не видел такого сильного прилива, – закричал Бьёрн Железнобокий.

Мы не обращали внимания на течение и гребли без остановки. Вдруг нас охладил сильный порыв встречного ветра. Все лица посерьезнели. Над водой стал сгущаться белый туман. На расстоянии он казался неподвижным и безопасным, нежным, как шелк. Затем мы увидели, что он медленно окутывает нас, сворачиваясь в тысячи густых клубков. Не успели мы перевести дух, как почувствовали его холодное влажное прикосновение.

Непостижимое дело: у тумана не было веса, его нельзя было поймать рукой, сквозь него можно было беспрепятственно пройти, но для человека в тумане мир становился призрачным. Можно было сколько угодно тереть глаза, безуспешно пытаясь разглядеть берег, отчетливо видимый всего мгновение назад. Казалось, туман не в состоянии причинить вреда и блохе, но у меня сразу заболела голова и задрожали руки.

Давным-давно, когда мир был молод, Один загадывал загадки, испытывая мудрость короля Хедрика, своего сына от вельвы, провидицы, и над одной Хедрик как следует поломал голову.

– Какой великан накрывает землю и море и глотает горы, но его самого разносит в клочья ветер и убивает солнце?

Тогда вельва, мать Хедрика, заговорила из своей густо заросшей могилы на тайном языке, так что только сын мог слышать ее: «Туманный великан», – ответила она.

И вот он предстал перед нами. Он был липким и холодным, как кожа покойника. Суровым голосом Гудред приказал грести в открытое море в полную силу. Туман продолжал окутывать корабль. Порыв ветра я почувствовал сначала шеей, потом щекой. Затем его дыхание вновь окутало мою шею в густом тумане. В этот миг Рольф, воин из Хордаланда, поднял свое весло.

– Гудред, – проговорил он медленно и спокойно, – либо ветер меняется, либо мы меняем курс.

– Нас крутит прилив, Рольф, – ответил Гудред. И вновь ветерок налетел с другой стороны.

Мы дружно гребли, надеясь, что туман рассеется. Вместо этого он еще гуще укрыл нас, словно ледяной дым.

Порой, когда мы до боли в глазах высматривали землю, нам казалось, что туман редет, но в следующее мгновение он только плотнее стискивал нас в своем ледяном объятии. Он висел над водой, и его клубы принимали форму чудовищных кораблей и великанских башен. Это было объятие смерти, ослепившее и отделившее нас от остального мира.

– Бьёрн, в какой стороне открытое море? – спросил Гудред. Бьёрн стоял, вертя головой, словно бык, отгоняющий слепней.

Он вытянул руки и поворачивался то вправо, то влево. Наконец он застыл и сказал, тяжело роняя слова:

– Ты кормщик, Гудред, но я скажу тебе свое мнение. Я думаю, что ветер сместился к северу, и открытое море там. – Бьёрн вытянул руку через правый борт.

– Клянусь Христом, – вскричал Эгберт, – я считаю, что море там. – И он резко выбросил руку в сторону кормы.

– Вы поймете, что ошибаетесь, когда прибой кинет нас на скалы, – горько усмехнулся Рольф.

– Поднимите весла и крикните погромче, – скомандовал Гудред, – может, мы услышим береговое эхо.

Раздался дружный рев, быстро стихший в тумане, но только волны своим плеском вторили ему.

Затем полтора десятка человек закричало: «Один! Один!» Им ответило лишь завывание ветра. Я втянул весло, подошел к Эгберту и встал перед ним на колени.

– Поднимись и говори, – сказал он.

– Я был твоим рабом. Теперь я свободный человек, и я ни разу еще не шел дорогой берсерка и ни разу не приносил жертву в Священной Роще. Но возможно, мой неизвестный отец был воин, и его душа нашептывает мне: «Призови Одина!»

– Это не мое дело! Я преклоняю колени в христианском храме.

– Почему бы не воззвать к Тору, – сказал кто-то. – Он бог Гроз, и, может быть, его молнии укажут нам путь.

– Нет. Я буду звать только Одина, бога Битв, Ветров и Рун. Или я буду молчать.

– Что же, зови, – согласился Бьёрн. – Если он откликнется, будем считать, что ты под его покровительством, и неважно, умрем мы или нет. Но если он промолчит, мы сочтем, что он гневается на ложь раба и выкинем тебя за борт.

Я набрал полную грудь воздуха и издал пронзительный крик: «Один!!!»

Мы затаили дыхание, и было слышно, как колотятся сердца людей. Многие закрыли глаза, думая, что так они лучше расслышат. Мы различали плеск волн о борта корабля, их рыдание и стоны, и легкий свист ветра. И когда все разочарованно вздохнули, а я уже приготовился к свиданию с Пожирателем Трупов, отвергнутый Одним и отвергнувший Тора, мы услышали слабый шум далеко за границей тумана.

– Это стая воронов, посланных вывести нас в открытое море! – хриплым голосом крикнул Бьёрн. – Гудред, правь на их крик.

Мое сердце болезненно сжалось. Вороны так кричат, опускаясь на засеянное поле, или гоняя сову. Вряд ли их послали в ответ на мой зов. Мы поворачивали к берегу, ведь с него доносилось карканье. Я вспомнил, что восточный берег бухты Диких Гусей густо порос буквым лесом – излюбленным местом обитания птиц в это время года.

Но кто не поверит мне, если я расскажу это? Может, Китти, да еще Эгберт. И все. Викинги уверены в правоте Бьёрна – ведь он сын Рагнара, ярл, не раз бороздивший морской простор, воин, ходивший дорогой берсерков, и его судьба интересует самого Одина.

Затем простая мысль закралась, словно змея, в мой мозг. Все внимательно следили за Гудредом, который разворачивал корабль по ветру. Я незаметно подошел к Китти и прошептал ей на ухо несколько слов.

– А что говорит прорицательница? – закричал я в общем шуме.

– Говори, желтокожая! – приказал Бьёрн.

Она повернулась к Бьёрну и заговорила своим мелодичным голосом:

– Правда, воронов послал Один. Но не для того, чтобы указать нам путь, а чтобы предупредить о берегу мертвых. С него они кричат. Поворачивайте живее, а то мы налетим на скалы. Ведите Дракона по ветру!

– Должно быть, она права. Но если нет...

– Тогда я разделю судьбу Оге, сына вождя, в жизни и в смерти.

– Плыдем по ветру, Гудред! – закричал Эгберт.

Но Гудред уже изо всех сил орудовал кормовым веслом, а гребцы на скамьях дружно помогали ему. Их удары взбили белую пену, и корабль, набирая ход, рассекал волну за волной.

Оставалось только ждать, а это у меня всегда получалось неплохо. Примерно через час ветер усилился и в теле Туманного великана стали появляться пятна света. Словно аисты поворачивали мы свои натруженные шеи, и наконец одноглазый викинг радостно закричал, указывая проем в клубах тумана.

Берег остался далеко позади, жадные прибрежные волны разочарованно бросались на скалы, и белая пена, словно руна Радости, славилась жизнь.

Глава IV Заложница

Теперь у меня было время поразмыслить над рассказом Китти о делах Хастингса в Нортумбрии. Отчего-то я знал, что это сыграет большую роль в моей судьбе. Но я не очень понимал, как можно обернуть все во вред Хастингсу. Поэтому я отправился к Эгберту и изложил ему рассказ Китти. Эгберт выслушал мою историю с большой тревогой.

– Я говорил, что ты не раз услышишь имя Аэлы, коль у тебя есть уши, – молвил он первым делом, – но я никак не думал, что он стал достаточно знатен для брака с дочерью Родри.

– Разве Родри такой уж могущественный король?

– Выскочка, но человек с головой. Теперь ему принадлежит почти весь Уэльс. Аэла же хитер, как змея. Я говорил тебе, что он спит и видит себя королем Нортумбрии. Возможно, он уже заполучил трон, сожги его Хель!

Эгберт не в первый раз произносил название Берега Мертвых, но мертвецов там пожирали чудовища, они не горели в пламени, как грешники христиан.

– Замыслы Мееры могут идти дальше приданого и выкупа, – продолжал Эгберт. – Что если она захочет оставить себе заложницу королевской крови? Аэла даст хорошую цену, чтобы вернуть свою невесту. Но, клянусь Небесами, она может стоить дороже, чем мы себе представляем! Чем заплатит Родри за жизнь горячо любимой дочери? Если он смирится, то Рагнар сможет использовать Уэльс как неприступную горную крепость, из которой и начнет завоевание Англии.

– Что с тобой? – воскликнул я, когда Эгберт вдруг разинул рот и смертельно побледнел.

– Если Рагнар захватит Уэльс, то дальше он обойдется без меня, и мне не быть королем Нортумбрии.

– Ты будешь коронован.

– Кто ты такой, чтобы обещать мне это? – надменно фыркнул Эгберт. – Но вот обменяет ли Родри королевство на жизнь дочери?

– Пожалуй, никто, кроме Мееры, не сможет тебе ответить. Хотя, возможно, скажет его дочь, когда ее привезут сюда, – ответил я. – Ты бы хотел поговорить с ней прежде Мееры? Я мог бы это устроить.

– Языком трепать все горады. Как?

– Перед возвращением домой Хастингс обязательно остановится на острове Скаеф, чтобы заплатить вельве за попутный ветер и принести жертвы в Священной Роще.

– Да, не сделав этого, он не поднимет чашу за свое возвращение.

– Можно нанять дровосека, который сообщил бы тебе о приближении корабля. Самому тебе нельзя находиться на острове, ведь это священная земля. Но никто не запретит тебе поглядеть на добычу. Язык пленницы никто не знает, и ты предложишь себя в качестве переводчика. Они не догадаются, если ты заговоришь с ней о чем бы то ни было.

Из глубины моей души всплыла гордость за такой хитрый план, но Эгберт прихлопнул ее, как муху.

– Ты, Оге, не имеешь никакого представления об Англии. Саксы и англй не смогли покорить Уэльс, и люди там говорят на своем собственном языке, который сам черт не разберет. Хоть некоторые из них и христиане, вряд ли они знают латынь.

– Вот уж не думал, что тебе она известна, – обиделся я.

– Да десяток слов знаю. Но что толку. А вот ее, пожалуй, могли подучить английскому. Должна же она уметь позвать Аэлу в постель. Чтоб я сдох! Сломанный меч ничуть не лучше разбитого щита. Хотел бы я услышать, как Аэла заскрипит зубами, узнав о похищении невесты.

сты! Но мне ненавистна мысль, что Родри покорится Рагнару. Ненависть сильнее любви, и я поквитаюсь с Аэлой, когда стану королем Нортумбрии!

– Славное будет времечко, – согласился я.

– Но мы делим шкуру неубитого медведя. Сомневаюсь, что нежная девушка доберется сюда в целости и сохранности на корабле, полном викингов, а если и доберется, то Родри трижды подумает, за какую цену ее выкупать. Меня, однако, успокаивает мысль, что у Хастингса только два корабля. Девять против одного, что он не спустит с нее глаз.

Зная Хастингса лучше, чем Эгберт, я бы не дал жертве и этого единственного шанса. Если бы я был отцом или женихом девушки и имел возможность выбирать, я бы предпочел видеть ее похитителем Рагнара, а не его расчетливого сына. Засаду Хастингса фризский корабль обнаружит в последний момент, когда поздно будет что-либо предпринять, а за девушкой он будет следить без устали с неистощимым терпением.

В один из дней я побывал неподалеку от острова Скаеф. Местные кузнецы выплавляли лучшую руду в округе, и никто не мог сравниться с ними в искусствековки. Там, на золото, подаренное мне Эгбертом и дюжину рогов, добытых на охоте, я купил себе меч. Он был ничем не примечателен с виду, но мне понравились его пропорции и прочность. Интересно, скоро ли он обагрится кровью?

Из кузницы я рассматривал остров Скаеф, где, по древней легенде, похоронен великий воин. Он научил людей обрабатывать железо вместо хрупкой бронзы. Теперь над его курганом возвышается усадьба Владычицы Ветров, вельвы по имени Гримхильда. Хотел бы я, чтобы она рассказала, что выйдет из нашей с Эгбертом затеи. Ну вот, теперь осталось лишь нанять дровосека, чтобы он предупредил о прибытии Хастингса Девичье Личико. Это заняло времени не больше, чем покупка меча.

После этого я сокрушался лишь об отсутствии боевого топора, Раскалывателя Черепов, Грозы Доспехов, Сокрушителя Костей. Однако опытный старик-кузнец, смерив меня взглядом, наотрез отказался от заказа. Он говорил, что бог кузнецов Вёланд накажет его – ведь оружие должно соответствовать воину. Он заявил, что я недостаточно плотного сложения, чтобы как следует владеть секирой. Я был скорее волком, чем медведем. Один хороший удар секирой обрывал жизнь любого ратника, закованного в доспехи. Но ведь и меч делал то же, если быть поточнее.

Как правило, норманны давали имена только знаменитым мечам. Неопытный юноша, лишь вчера ставший свободным, дающий звучное имя дешевому, неиспытанному клинку, вызвал бы всеобщий хохот. Но я не мог удержаться и дал мечу имя – Клык Одина. Я не думал, что великому богу это понравится, но поклялся, что он вопьется в сердца многих христиан прежде, чем я паду в битве, и кровь, словно горный ручей, будет течь по его желобку. Однако Китти я открыл это имя, и, к моему облегчению, лапландка воздержалась от своего птицеподобного смеха и даже не улыбнулась. Вместо этого ее глаза подернулись пеленой, словно ей было видение.

Мои глаза и руки уже ловко обращались с луком и копьем. Когда зима закончилась и на пастбищах появилась первая травка, Эгберт начал учить меня владеть мечом, почитая себя мастером в этом искусстве. Но я-то видел, что все его изящные приемы будут бесполезны против ревушего берсерка, у которого прием только один – разрубить тебя пополам. И я как можно больше внимания уделял скорости и точности.

Готовя меня в помощники кормщика на своем корабле, Эгберт дал мне срисовать карту, найденную им однажды в древней башне на берегу Хамбера. Она была на двух свитках пергамента в три фута шириной и почти в двадцать длиной. На ней было изображено все побережье от юга Британии до севера Ютландии. Я попросил месяц на работу, но мне потребовалось вдвое больше, прежде чем я научился понимать загадочные знаки. К моему изумлению, я научился за это время большему, чем если бы плавал по морю всю жизнь. Сотни крошеч-

ных стрелок тянулись одна за другой, сливаясь в очертания побережья, и каждая отмеряла расстояние в десять миль. Они ясно и точно изображали острова, устья рек, мысы, заливы и бухты. В некоторых я узнавал земли, о которых рассказывали старые викинги. Название нашей страны было написано по-латински. Эгберт прочитал его мне: *Ультимо Туле*. Север обозначался белым медведем, Восток – встающим солнцем.

Однажды утром мою работу с картой прервал гонец с острова Скаеф:

– Прибыл Хастингс. Он захватил девушку, но на вашем месте я бы не стал с ней связываться.

– Это еще почему?

– Вы еще спрашиваете? Я скажу. Она ведьма.

– Ты хотел сказать, прорицательница, вельва?

– Вот уж нет! Вельва-то живет в усадьбе, вы ее знаете, и я часто вижу, как она прядет, греясь на солнышке, как любая другая женщина. И она точно женщина с головы до ног. На нее приятно посмотреть. Ведьма же – это совсем другое дело. Они живут в христианских землях, они хитры и могут превращаться в волчиц.

Взволнованный, я за два часа пересек мыс, желая хотя бы взглянуть на девушку, а если повезет, то и поговорить с ней. Увидев меч на моем поясе, рабы вельвы не стали спрашивать, имею ли я право ступить на священную землю, и безропотно переправили на лодке через пролив. Я шел по Священной Роще. Земля была густо усеяна костями. Ничто не нарушало ее полумрак, разве что парочка черепов, белевших на ветвях; меня охватил страх.

Я миновал усадьбу, в которой жила наша колдунья, никогда не покидавшая свой двор в телесной оболочке, хотя некоторые путники клялись, что видели ворона, вылетающего из ее окошка на рассвете, и возвращавшегося на закате с перемазанными кровью перьями.

Два корабля Хастингса стояли в бухте, безмолвные, словно суда мертвецов. Ни одного возгласа радости не доносилось из-под кованых шлемов при виде родных берегов; воины стояли на насыпи молчаливыми группами. Нигде не было видно их хёвдинга. Я подумал, что Хастингс направился в башню или в рощу на торжественный обряд.

Насыпь была рукотворной и не считалась священной землей. И все же я не думал, что христианской принцессе позволят покинуть корабль. В лучшем случае я надеялся увидеть ее заплаканное лицо над бортом. Поэтому я не поверил своим глазам, увидев две женские фигуры, переминающиеся с ноги на ногу на мокрых мостках. Когда я разглядел их чужеземный наряд, мое изумление достигло предела.

Они резво вышагивали взад и вперед, держась за руки. Приблизившись, я решил, что высокая девушка с золотыми косами была дочерью Родри, а другая, с развевающимися черными волосами, ее служанка из того же народа, что и Китти. До этого я не видел черных волос ни у кого, кроме лапландцев. Затем я обнаружил, что у девушки пониже платье было намного богаче, и к тому же расшитое золотом, а на шее – изящная цепочка. Я перестал уже чему-нибудь удивляться, когда девушки резко повернулись ко мне.

Кроме черных волос принцесса Моргана ничем не походила на Китти. Кожа ее была белоснежной, если не считать румянца, а веселое выражение лица более подходило беззаботной путешественнице, чем пленнице викингов. Что ж, молодость не любит грустить, ее нелегко повергнуть в уныние. Она всегда видит свет среди тьмы и легко обманывается. Если я не ошибся, девушке было не больше пятнадцати зим.

Принцесса была совсем не похожа на Китти с ее желтой кожей, носом пуговицей и прямым, тонким ртом. Глаза ее были ярко-синими, а подбородок – отнюдь не квадратным. Кончик носа чуть-чуть загибался, а губы были алее, чем у любой девушки данов. Одним словом, это было самое странное лицо, какое я когда-либо видел. Неудивительно, что наш гонец принял ее за ведьму! Я тоже был сбит с толку ее необычностью и, как я подумал, уродством.

Я никак ни мог прийти в себя от внешности принцессы. Ее спутница была симпатична и очень похожа на наших девушек. Я решил, что она из страны саксов, граничащей с королевством Родри.

Я отступил в сторону, чтобы дать им пройти, и тут произошла странная вещь. Я вдруг понял, что не считаю Моргану уродливой. Она, конечно, по-прежнему казалась странной, но она была красивой! И я подумал, что никогда еще не видел такой стройной фигуры. Ее глаза сияли, словно сапфиры, под черными ресницами. Черные, слегка выющиеся волосы составляли разительный контраст с белой кожей.

Вдруг мне захотелось поцеловать ее ярко-красные губы, и это было самым сильным и самым дурацким желанием за всю мою жизнь.

Тут я вспомнил, что Китти рассказывала мне о молодых женщинах и девушках, и я понял, почему она была так весела и осмеливалась прогуливаться на виду у всех. Я понял, почему она румяна, а не бледна. Я сожалел, что она не досталась акулам.

– Моргана, – позвал я тихим голосом, сделав шаг навстречу паре, когда девушки в очередной раз проходили мимо.

Она остановилась и глянула на меня взором невинного младенца, затем заговорила на чужом языке. Хотел бы я, чтобы она оказалась слепой и немой.

Какая разница, что я говорил ей: она отвечала на языке Уэльса и не понимала меня. Мне хотелось, чтобы Хастингс вызвал меня на поединок, и один из нас был бы убит. Напоследок я сказал ей по-английски, и меня не заботило, что служанка могла понять мои слова:

– Ясно, что вы с Хастингсом поладили в первую же ночь, – сказал я, – но будет нелегко очаровать старину Рагнара, и ты запоешь по-другому.

Она засмеялась, откинула голову, плюнула мне в лицо и ушла.

Когда Хастингс вышел от вёльвы и ему донесли, что я разговаривал с его пленницей, ему захотелось повидать меня. Я ведь был уже воином Одина, а не жалким рабом, который мог бежать или просить пощады, и я был просто обречен на встречу с ним. Даже если бы я находился где-нибудь с поручением, мне оставалось бы только ждать, что он окликнет меня или пройдет мимо. Тем не менее, я направился к Священной Роще.

В этот момент меня и окликнул мелодичный голос. Я хорошо его знал и стиснул пальцы на рукояти меча.

У насыпи стоял Хастингс, и я понимал, что он смеется надо мной – ведь мне приходилось идти назад. Но на лице его была лишь обычная улыбка.

Я опасался его не меньше, чем раньше, а ненавидел гораздо сильнее. Вся ненависть, которую я питал к нему раньше, казалась детской забавой по сравнению с тем, что теперь разгоралось в моей груди. Отвратительные шрамы на его лице больше не вызывали во мне злорадства. Перед моими глазами стояло другое лицо, которое я только что видел и уже не хотел увидеть вновь – ее губы прижимались к его губам, ее белые руки обвивались вокруг его шеи, и глаза ее сияли.

Яд разъедал мою фантазию, и я воображал невесть что: вот Хастингсу надоели поцелуи его пленницы, и он тут же забыл о ней, но она не жалуется, она терпеливо ждет его ласк. Он может наслаждаться каждым дюймом ее тела. Сколько бы он не требовал от нее, она всегда готова предложить больше. Если он делает ей больно, она твердит, что это сладкая боль, и он может приказать ей целовать свое лицо, потом губы...

– Боюсь, ты собрался вытащить меч, – дружески сказал Хастингс.

– Великий Хастингс боится? – спросил я, от ненависти забыв об осторожности.

– Конечно, ведь тебя может увидеть вёльва. А если один воин угрожает другому на священной земле, его сжигают на костре.

– Знаю, – стыдясь самого себя, сказал я. – Я забыл, где нахожусь.

– Вполне естественно для новичка, впервые попавшего в Священную Рощу. Ты был человеком Тора, когда я уезжал отсюда. Теперь ты воин Одина и должен научиться многим вещам. Одна из них – это хорошенько выбирать добычу. А то как же узнать, что забирать у христиан, а что выбрасывать? Например, что ты скажешь о моей девице?

– Она уродлива, словно ведьма.

– Я видел, как ты говорил с ней, и надеялся, что она будет рада поболтать с кем-нибудь, кроме своей служанки Берты. Девушке было очень одиноко на корабле, и я обещал ей, что Эгберт и ты развлечете ее. Должен заметить, что умение говорить по-английски – верх образованности для уэльской девушки, и малютка очень гордится этим. Но я боюсь, что ты ее обидел.

Возможно, из-за того, что я уже не раз подвергался опасности, я научился распознавать ее. Пока Хастингс разглагольствовал, я прислушивался к его интонациям, вникал в смысл слов и пристально следил за ним. И внезапно я понял, что он не похож ни на одного известного мне норманна, – я не мог предугадать, что он сделает в следующий миг. Я даже не понимал, что он задумал.

– Спроси об этом у своей уэльской девчонки, – ответил я на его насмешку.

– Это будет трудновато сделать на языке жестов.

– А я думал, она понимает твои жесты.

– Например, когда щекочешь ладошку? – Хастингс громко засмеялся. – Оге, если ее не доставить домой в целости и сохранности, Аэла, ее жених, вряд ли заплатит хороший выкуп. Дело прежде всего.

– Она пыталась соблазнить тебя, но не смогла.

– И вновь ты не прав, Оге. Должен признаться, что я был почти соблазнен. Разве ты не заметил, какая она изящная? Не сомневаюсь, что она девственница. Я лично могу гарантировать это Аэле. И не скажешь, что очень уж смела или ведет себя вызывающе. Но я думаю, что, когда Берта описала ей некоторые прелести нашего путешествия, она начала слегка ревновать. Кельтская кровь горяча, как я слышал, и судя по ее желанию учиться всему, чему я мог ее научить, так оно и есть.

Хастингс задумчиво щелкнул пальцами и весело зашагал прочь. Хотел бы я, чтобы это была безлюдная равнина, где только птицы да звери могли видеть, как я беру своего Железного Орла, заносу его над плечом и отправляю в полет в быстро удаляющуюся спину Хастингса.

Меня не заботило, что его мать Эдит увидит с небес, как он споткнется и зашатается будто пьяный и рухнет в покрасневшую вдруг траву. Если она пожалуется своему христианскому Богу, мне на это наплевать.

Когда я разыскал Китти, то попросил ее рассказать мне все, что она знает о происхождении Хастингса. Но она ничего не могла добавить к тому, что я уже знал.

Эдит была дочерью Реджинальда, графа Нантского. Архиепископ Гунбард служил мессу в честь святого Иоанна, когда Рагнар ворвался в собор и убил графа. Были убиты все, кто там находился, кроме девушки Эдит, которая привлекла взгляд Рагнара; она попросила убить ее, стоя среди трупов. Это случилось двадцать три года назад. Следующей весной родился Хастингс.

Эгберт спокойно выслушал, что Хастингс вернулся с добычей и тщательно расспросил меня.

– Хастингс замышляет то, чего я и опасался: держать девушку заложницей. Он хочет выкуп от Родри?

– Хастингс говорил лишь о выкупе от Аэлы.

– Он никогда не уплатит, если с ней что-нибудь случится. Как ты думаешь, она в порядке?

– Понятия не имею.

- А как на твой взгляд, она стоит большого выкупа?
- Я думаю, она безобразна. И волосы у нее черные...
- А как ее здоровье?
- Полна сил.

– Не сомневаюсь, что она уже была с ним. И она скорее отправится с Хастингсом в военный лагерь, чем воротится во дворец к Аэле. Велико ли приданое, которое захватил Хастингс? Если достаточное, то никто не осудит его. Но Родри может заплатить столько, сколько пожелает Рагнар. Даже после того, как она надоест Хастингсу, Родри будет пытаться выкупить ее. Ведь он любящий отец. Я не очень-то верю, что он позволит Рагнару укрепиться в Уэльсе в обмен на ее жизнь, но все же это возможно. Мне будет трудно заснуть, пока она будет во власти Рагнара.

- Не буди лихо, пока спит тихо, – предостерег я.

В этот миг вошел Генри с запиской от Хастингса. Меере очень хотелось поговорить с девушкой – Морганой Уэльской. Но ни она, ни Хастингс не разумели по-английски, тем более, по-уэльски. Если ярл Эгберт не занят, то не придет ли он к ним помочь? А если занят, то, может, пришлет своего воина Оге, который уже познакомился с ней?

– Меера догадывается о моих планах и подозревает о том, что я играю двумя щитами, – быстро сказал Эгберт. – Если случится что-нибудь неожиданное, например, она умрет от оспы или сбежит на фризском корабле, я не хочу, чтобы меня обвинили в этом. Скажи посланнику Хастингса, что я объелся жареных угрей и посылаю своего воина Оге вместо себя.

Огромный зал был тускло освещен дюжиной свечей, и они казались корабельными огнями в вечерней гавани. Когда я привык к полумраку, то заметил в высоких креслах четырех человек: Мееру, саксонскую девушку Берту, Моргану и Хастингса. Мне приказали сесть на низкую скамью напротив пленниц. Хастингс отдал распоряжение небрежным тоном. Когда я уселся, в окно заглянуло солнце.

Меера выглядела моложе и привлекательнее, чем я ожидал. Я чувствовал, что она рада мне, и это радовало и пугало одновременно.

Берта была симпатичной девушкой в полном расцвете сил, вполне подходящей в жены юному викингу. Она была ласковой и работающей, как мне показалось. Я бы с удовольствием взглянул на нее, но не мог придумать предлога. Вдруг я понял, что она – живое доказательство лжи Хастингса. Он не мог овладеть ей во время путешествия, ибо она не оставила бы госпожу ради объятий викинга.

Но это не означало, что Хастингс лгал и о Моргане. Насколько я знал, она кормила Берту беленой во время пути, чтобы та хорошо спала. Она бы скорее выбросила служанку акулам, чем пропустила хоть час встречи со своим любовником.

Я глядел на принцессу, не показывая, что видел ее раньше. Она не обращала внимания на меня и сидела с отсутствующим выражением на лице. Я вспомнил, что назвал ее безобразной и испугался, что боги услышали меня и даже успели кое-что предпринять. Моя рука сама поползла за ворот, нащупала и сжала оберег. Тогда я уловил тихий шепот. Морганка обращалась к Берте: «Он пытается поймать блоху».

Хастингс расчесывал свои золотистые волосы черепаховым гребнем. Я надеялся, что хоть парочка блох выпрыгнет оттуда на глазах у Морганки, но блохи не оказались настолько любезны. Раздумывая о его чистоплотности, я почувствовал, что от него исходит сладкий запах. Без сомнения, он пользовался бесценными арабскими благовониями из Кордовы. В отличие от большинства викингов он не носил усов и, спокойно глядя на него, я впервые понял, почему. Он не желал прятать ни один из девяти шрамов, оставленных Стрелой Одина.

Мы все ждали, пока Хастингс закончит охорашиваться. Вскоре он безразличным взглядом оглядел нас и обратился к Меере:

- И чего мы ждем? Это твоя затея, а не моя. Начинай.

– Ну что ж, – приветливо начала Меера. – Спроси-ка, Оге, принцессу Моргану, сколько у нее братьев и сестер.

Когда я задал вопрос, взор девушки встретился с моим и застыл. Ее глаза отличались от наших, северных глаз. Никогда я не видел такой синевы.

– У меня четверо братьев и шесть сестер, а еще у моего отца много побочных детей от наложниц, которых от тоже любит, – ответила Моргана.

– Сколько жен и наложниц у Аэлы?

– Он христианин, и у него может быть только одна жена. Я не слышала, что у него есть наложницы.

Меера засмеялась, когда я повторил эти ответы:

– Оге, попроси принцессу не говорить глупостей. Ее второй ответ был правдив. У меня не такие уж маленькие уши, но я никогда не слышала, что Аэла содержит наложниц. Но ее первый ответ ложь. У нее два брата, а не четыре, и нет сестер. У ее отца, может быть, и есть парочка незаконных детей, но никто из них не живет при дворе.

Я повторил, и сперва мне показалось, что выражение лица Моргану не изменилось. Если бы я не приглядывался к лицам всю свою жизнь, как это делают рабы, я бы не заметил, что ее зрачки чуть расширились, а на белой шее забила жилка.

– Теперь я буду говорить правду.

– Спроси, почему она солгала, – улыбнувшись, сказала Меера.

– Я сказала нарочно, – ответила Моргана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.